

**СУДЬБЫ ДИАЛЕКТИКИ И ПОИСКИ НОВОЙ МЕТОДОЛОГИИ
СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ**

**Круглый стол, посвященный 70-летию со дня рождения
В.П. Кохановского**

Участвовали:

В.И. Пржиленский – доктор философских наук, заведующий кафедрой истории и философии науки. Ставропольский государственный университет.

В.Д. Бакулов – доктор философских наук, заведующий кафедрой философии и методологии науки. Южный федеральный университет.

В.Е. Давидович – доктор философских наук, заслуженный деятель науки России.

Л.А. Минасян – доктор философских наук, проректор. Ростовский институт сервиса Южно-Российского государственного университета экономики и сервиса.

Е.Ю. Леонтьева – доктор философских наук, заведующая кафедрой философии. Волгоградский государственный университет.

А.В. Туркулец – доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных дисциплин юридического факультета. Хабаровская государственная академия экономики и права.

А.В. Белов – доктор философских наук, профессор кафедры философии и методологии науки. Южный федеральный университет.

А.П. Федоровский – доктор философских наук, проректор по обеспечению и контролю качества образования. Северо-Кавказский социальный институт. г. Ставрополь.

О.Ф. Иващук – доктор философских наук, профессор кафедры философии и методологии науки. Южный федеральный университет.

С.Е. Туркулец – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии. Дальневосточный государственный университет путей сообщения.

Т.И. Барсукова – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и социальной работы. Северо-Кавказский государственный технический университет. г. Ставрополь.

Т.Б. Фатхи – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и методологии науки. Южный федеральный университет.

В.Б. Устьянцев – доктор философских наук, заведующий кафедрой теоретической и социальной философии. Саратовский университет.

Г.Ф. Гараева – доктор философских наук, заместитель директора по научной работе. Северо-Кавказский филиал Российской академии правосудия. г. Краснодар.

П.В. Павлов – кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и психологии. Южно-Российский государственный технический университет.

В.И. Пржиленский. Мы собрались здесь, чтобы обсудить крайне важную тему, актуальность которой определяется не только академическими интересами научного сообщества, но и

потребностями всего российского социума, находящегося в процессе радикальных изменений. Речь идет о роли диалектики в разработке новых технологий и методологий социально-исторического познания. Не вызывает сомнения связь данной темы с творческим наследием В.П. Кохановского, чье семидесятилетие мы отмечаем в этом году.

Прошло уже более трех лет с тех пор, как ушел из жизни Валерий Павлович Кохановский, один из наиболее интересных и ярких философов позднесоветской и постсоветской российской науки. Его мысли, несомненно, оказали влияние на современников, его учебники издавались и издаются большими тиражами, его научные труды изучались и цитировались, они изучаются и сегодня. Но все же вопрос об осмыслении творческого наследия профессора Кохановского остается открытым. Сегодня, когда мы открываем книги В.П. Кохановского, написанные и изданные в разные годы, все более отчетливо видится значимость его вклада в науку, все острее ощущается необходимость изучения его наследия, все актуальнее представляются его идеи об обществе и методах его познания. Настоящий круглый стол посвящен обсуждению темы, на протяжении всего его жизненного и творческого пути доминировавшей среди научных интересов Валерия Павловича – теме социального и исторического познания. Эта тема в работах В.П. Кохановского и его учеников фактически трансформировалась в тему методологии и технологии социально-исторического познания на основе синтеза диалектики и социальной аналитики.

Как можно понять с помощью философии и ее методов смысл и направленность общественных процессов? Как отделить сущность социальных явлений от всего случайного и преходящего? И, наконец, как отличить диалектику от софистики и эклектики? Эти вопросы волновали В.П. Кохановского на протяжении всего его научного и творческого пути. При том что вопрос об актуальности тех или иных принципов ставился и решался в отечественной философии с завидной частотой, в его постановке в книге «Историзм как принцип диалектической логики» сразу же заметна нетривиальность мысли ее автора. То главное, что отличало В.П. Кохановского, интерес к собственно философскому содержанию мысли и действия человека, вовлеченному в социальную практику. Этот интерес был обусловлен преодолением дихотомии теоретического и повседневного, что характерно и для других ведущих философских доктрин XX в., таких как социальная феноменология, критическая теория и др. «Главную задачу при анализе историко-философского материала, – пишет Валерий Павлович, – автор видит в том, чтобы выявить рациональные продуктивные идеи принципа историзма в целом и отдельных его сторон, которые содержались в учениях выдающихся домарксистских мыслителей и, «пройдя» через историю познания, не потеряли свою методологическую силу» [1, с. 7].

Очень важно понимать смысл и назначение истории, с какими бы трудностями не было связано достижение такого понимания. Любое общественное явление и в особенности, любую общественную инициативу, инновацию и даже потребность необходимо оценивать на предмет соответствия их возможного воплощения нынешнему состоянию общества. «Это значит, что историзм – важнейший элемент доказательства. И только глубокое исследование истории общества, всего хода цивилизации на протяжении многих веков может уберечь людей от разного рода политических иллюзий своего времени» [1, с. 9].

Сегодня принцип историзма как один из принципов методологии обретает особое значение. Но при этом его упоминание в работах, будь то научные статьи, монографии или диссертации, становится все более редким. Сегодня весь вокабуляр исторического и диалектического материализма постепенно «вымывается» из повседневного словоупотребления в научно-образовательном сообществе. Хорошо это или плохо? Вряд ли есть смысл давать оценку естественному ходу вещей, а любое изменение философского языка, как, впрочем, и повседневного языка, всегда происходит не по чьей-то злой или доброй воле, а потому что сама философия живет и развивается. Этот факт лишней раз подтверждает действенность учения о развитии, подчеркивая непреложность философской диалектики. Но за изменением терминов, понятий и концептов всегда проглядывает набор вечных тем и проблем, что заставляет удивляться единству философии как проекта. «Конкретно-исторический подход является обязательным для всех наук. Но понятно, что даже самое глубокое знание принципа историзма «самое искреннее желание последовательно провести его в научном исследовании не помогут делу, если при этом тщательнейшим образом не освоен огромный фактический и теоретический материал той области знания, где хотят этот принцип применять (это, конечно, относится и ко всем другим принципам, законам и требованиям диалектики). Поэтому мы хотим подчеркнуть насущную необходимость разработки принципа историзма на материале частных наук – как естественных, так и общественных. Это очень актуальная проблема, которая ждет своего исследования» [1, с. 143].

Интерес к частным наукам – это интерес к практическому применению теоретических принципов, которые никогда не должны выглядеть как простые абстракции. Но при этом они должны быть строгими и аподиктическими, логика рассуждения не может быть произвольной.

Отсюда и важная тема творчества В.П. Кохановского – тема софистики и эклектики. Но и здесь в довольно хорошо проработанную тему вносится особый акцент, вновь ставящий принцип историзма во главу угла. «Конкретно-исторический подход к предмету предполагает, что прошлое, а затем и будущее рассматриваются с точки зрения достигнутого результата развития, т.е. с точки зрения настоящего. Только с платформы современного состояния предмета можно открыть «тайну» его прошлого и выяснить затем тенденции его развития вследствие того, что настоящее – итог всей предшествующей истории, ее «снятие» и содержит в себе «зародыши» будущего» [2, с. 102].

О философском стиле В.П. Кохановского можно сказать, что он в полной мере отражает своеобразие миропонимания автора. Примером может служить обращение к идеям О. Конта, М. Вебера, Г.Г. Гадамера, которые, по мнению В.П. Кохановского, при всей несхожести выдвинутых ими концепций, внесли уникальный вклад в понимание принципа историзма как методологического и диалектического начала любого анализа. «Подлинно историческое мышление, – пишет он по поводу герменевтической доктрины Гадамера, – обязано не только учитывать историчность человеческого бытия, но и должно мыслить свою собственную историчность. Такая саморефлексия дает возможность мышлению не «гнаться за призраком» исторического объекта – предметом прогрессирующего научного исследования, а через свою историчность «увидеть» историчность предмета» [3, с. 81-82].

Считающийся по праву основоположником одной науки и одного философского течения О.Конт долгое время представлялся прямой противоположностью всех представителей диалектического философствования. Он создал крайне популярную у современников философию позитивизма и социологию – отрасль научного знания, занявшую ключевые места в семействе социально-гуманитарных наук. Но его историзм оказался крайне продуктивным. «Позитивная философия отличается постоянным преобладанием, одновременно логическим и научным, исторической (социальной) точки зрения. Считая недопустимым абсолютизацию какой-либо из этих сторон, Конт подчеркивал, что философские учения не должны быть оторваны от жизни, а должны опираться – как на один из своих источников – на конкретные факты и обобщения частных наук» [4, с. 8].

Не менее интересны те аспекты веберовского учения, которые определили дальнейшую разработку принципа историзма. В соответствии с требованиями эпохи принцип историзма должен обсуждаться и развиваться в связи с проблемой смысла. Именно это обстоятельство актуализирует именно идеи этих двух мыслителей – Гадамера и Вебера. «Если ценностные аспекты – первый ключевой «параметр» социально-гуманитарного познания, то вторым ключевым фактором является «смысл», ибо естествознание не исходит из этого понятия и в своем понимании мира принципиально отвергает ориентацию своих воззрений на проблему смысла» [5, с. 64]. В этих словах кроется разгадка не только специфики социально-гуманитарного познания, но и основной черты социальной аналитики, которая ориентирована на объяснение действия и понимания. Следует отметить, что веберовское понимание ценностей, как и трактовка этого понятия в трудах его учителя Г. Рикерта является специфически неокантианской и определяется через акционистские социологические схемы, тогда как гадамеровская герменевтика позволяет выйти за данные рамки. И хотя сам Гадамер, будучи учеником Хайдеггера, также не мог быть свободным от влияния Рикерта, все же перевел проблему смыслообразования в контекст знаково-символических и семантических пространств текста.

Возникает вопрос, зачем же тогда обращаться к идеям Вебера, если есть герменевтика Гадамера. В.П. Кохановский считает, что именно без веберовского понимания волюнтаристских аспектов социального действия невозможно ничего понять в обществе как особом виде реальности. «Без этих двух тесно взаимосвязанных моментов никакой речи об особенностях социального познания, специфики его методов и т.п. и быть не может, ибо действия человека в той или иной мере осмысленны, руководствуются определенными ценностными идеями и практически всегда не могут игнорировать цели и средства, а должны «взвешивать» и силы. И здесь должна помочь не индукция, а социальная философия» [5, с. 64].

Отрицание индукции здесь не случайно. В.П. Кохановский обратил внимание на очень важную черту диалектического мышления, выражающуюся в ее ориентации на реальное действие. Реальное действие всегда происходит в условиях, когда нет возможности собрать достаточное количество необходимой информации о внешней среде, действующих силах и факторах, что в значительной степени затрудняет принятие решения. Есть многочисленные теории рационального выбора на основе учета и оценки рисков. Но в реальности актер никогда не ведет себя как аналитическая группа, ибо он не имеет ни времени, ни возможности знать достаточно много для принятия взвешенного решения. И в этой ситуации только диалектика дает необходимый инструментарий для действия. Необходимо действовать без подробного знакомства с ситуацией, не говоря уж о теоретическом и абстрактном анализе ситуации. Исследование «Диалектический метод и

социальная реальность», написанное в соавторстве с И.В. Ватиным показывает на конкретных примерах технологию решений и действий в условиях необходимости действовать. Эта книга во многом решает те же проблемы, что и американский прагматизм в своих ранних работах, где рассматривалась абдуктивная логика. Вероятностная оценка ситуации – не лучший выход в случае, когда надо не изучать, а действовать. Вот это искусство и эта наука и соединяются в социальной аналитике В.П. Кохановского.

Крайне важно, что научные разработки были внедрены в процесс обучения и изданы в виде целого комплекса пособий по проблемам методологии и философии науки для студентов и аспирантов. Философия науки как течение противопоставила себя традиционной теории познания и методологии науки точно также, как эти последние стремились заменить метафизику и логику в схоластической философии. Ее составляющими можно считать критическую реконструкцию научной деятельности, философскую рефлексию над результатами и социологию знания. Но постепенно тематика и проблематика, характерная для данного направления, заинтересовала другие философские школы, повлияла на рубрикации научных журналов и специализацию в рамках исследовательского сообщества. Новое понимание философии науки, отстаиваемое В.П. Кохановским, состоит в том, чтобы объединить два различных подхода к исследованию науки. Это, во-первых, *теория познания и методология науки*, показывающая проектирование науки средствами философии. Во-вторых, это *критика научной рациональности и социология знания*, исследующие науку как сложный и многомерный феномен, открытый различным внешним влияниям, имеющий свою логику и свою прагматику, отличные от тех, которые были заложены в науке как философском проекте. Именно в этом видел В.П. Кохановский проявление и творческое развитие идей диалектики.

В.Д. Бакулов. Тексты, представляемые для материалов посвященных памяти ученого и педагога, представляют собой весьма необычный жанр, ибо в них уникальным образом сочетается сциентистское, научное начало с личностно-экзистенциальным планом. Первое связано с возможностью осмыслить, в чем-то по-новому оценить научные идеи того или иного ученого, а второе с тем, что их реконструкция всегда происходит в такой ситуации в определенном экзистенциальном контексте, при обращении к памяти о предложившей и разработавшей их творческой личности. Все это в полной мере относится и к представляемым нами материалам, посвященным семидесятилетию со дня рождения Валерия Павловича Кохановского.

С середины 60-х гг., после поступления в аспирантуру по философии в Ростовский инженерно-строительный институт, где его научным руководителем становится известный в нашей стране ученый и самобытный человек – профессор А.М. Минасян, начинается этап философского творчества в жизни Валерия Павловича. Важнейшими вехами на пути В.П. Кохановского к достижениям и признанию на философском поприще стали успешная защита в 1968 г. кандидатской, а в 1980 г. докторской диссертации. В 1974 г. Валерий Павлович переходит на работу в ИПК при РГУ, где в 1982г. становится заведующим кафедрой научного коммунизма, а в 1984 профессора В.П. Кохановского избирают деканом философского факультета Ростовского государственного университета. На этой должности он был до 1989 г. Это было очень непростое время в жизни Ростовского университета, высшей школы, да и нашей страны в целом – эпоха так называемой «перестройки» – потребовавшее от всех максимального напряжения духовных и душевных сил, кардинального обновления научного и методического багажа, пересмотра ценностно-мировоззренческих ориентиров и арсенала методологических средств. Время очень противоречивых и непоследовательных реформ в экономической и социально-политической сфере. Вместе с тем, это время позволило раскрыть не только научный, но и административно-организаторские таланты Валерия Павловича: его умение сплотить коллектив, подбирать людей для определенных направлений работы, сочетать в себе требовательность с самым уважительным отношением к личности коллеги, принципиальность в решении административно-управленческих вопросов. То что философский факультет прошел эту эпоху без самых негативных для себя последствий, не растратил своего большого научного и педагогического потенциала, оказался способен к работе в новых условиях, к постоянному развитию и совершенствованию – большая заслуга его декана, профессора В.П. Кохановского.

Валерий Павлович обладал большим педагогическим мастерством, что позволило ему воспитать целый ряд молодых ученых, создать свою научную школу. Под его руководством защищено 18 кандидатских и 7 докторских диссертаций. Сотни студентов и десятки аспирантов смогли по достоинству оценить педагогическое мастерство Валерия Павловича, приобщиться благодаря ему не только к теоретическим и методологическим проблемам современной философии науки, но и к той высокой интеллектуальной культуре, носителем которой он был.

Одной из важнейших составляющих научного таланта Валерия Павловича была высокоразвитая исследовательская интуиция, умение увидеть и осмыслить новые идеи коллег, новые подходы в отечественном и зарубежном философском знании, новые, свежие веяния в философской мысли в целом. Известно, что Валерий Павлович большое внимание уделял разработке методологической проблематики, и в особенности в области социально-гуманитарного знания. И в этом плане нельзя не отметить самую широкую эрудицию, знание им как работ своего рода классиков в области методологии социально-гуманитарного познания (В. Дильтей, В. Виндельбанд, Г. Риккерт, Э. Дюркгейм, М. Вебер, Х. Гадамер и других), так и современных (К. Поппер, М. Фуко, Т. Кун и других).

В самой полной мере это относится к осмыслению профессором В.П. Кохановским современной ситуации в области методологии социального познания и разработке своего подхода к пониманию того, что представляет собой «новая парадигма социальной методологии».

Еще в 1999 г. в своей известной теперь в нашей стране работе «Философия и методология науки» В.П. Кохановский, отдавая должное синергетике и ее методологической значимости для широкого комплекса современных социальных дисциплин, выделяет также такие факторы, обуславливающие формирование новой парадигмы методологии социально-гуманитарного познания, как изменение предмета в исследовании социальных наук; переход научного познания в целом и социально-гуманитарного в особенности, на качественно новый, постнеклассический этап развития; сближение, а значит и методологическое взаимообогащение, естественных и социальных наук; взаимодействие и взаимопроникновение в самой социогуманитарной сфере противоположных концептуально-методологических подходов, рациональных и иррациональных способов и форм развития знания и целый ряд других. Отмечая значимость синергетики для современного социального знания, Валерий Павлович показывает необходимость для новой парадигмы социальной методологии широкого внедрения теоретико-методологического аппарата современной культурологии, герменевтики, понимающих методик. А в целом – сближение объяснительного и интерпретационного подходов.

Особое внимание В.П. Кохановский предлагает уделить еще в целом только формирующейся парадигме, условно называемой парадигмой универсального эволюционизма. Именно ей предстоит стать в определенном плане преемницей лучших сторон диалектики, и именно ей будет принадлежать существенная роль в познавательной деятельности в социогуманитарной сфере в целом.

Нельзя не отметить весомый вклад в осуществляемые непосредственно в настоящее время осмысление и разработку методологических проблем социально-гуманитарного познания ставшей во многом итоговой для Валерия Павловича работы «Философские проблемы социально-гуманитарных наук (формирование, особенности и методология социального познания)», 2005 г. В этой работе сформирована целостная концепция того, что представляет собой новая парадигма социальной методологии и аргументированно показаны те тенденции в развитии методологической составляющей современного социально-гуманитарного знания, которые будут определять его направленность и характер, и ориентация на которые современных исследователей, особенно молодых, позволит им выйти на качественно более высокий уровень целенаправленности и эффективности их научно-теоретических разработок. На примере обращения к осмыслению В.П. Кохановским новой парадигмы социальной методологии мы видим сколь интересно и значительно оставленное этим ученым и педагогом наследие и какую познавательную и эвристическую роль оно способно играть для современных исследователей.

В.Е. Давидович. Размышление о том, что происходит нынче с диалектикой, связано с раздумьями о судьбе ростовской школы диалектики, одним из лидеров которой был Валерий Павлович Кохановский, и чьи традиции продолжают сегодня в русле тематики философской методологии. Философское сознание глубоко исторично, тесно связано с тем, что происходит в обществе, с особенностями культуры, крутыми поворотами в теоретическом и массовом сознании. Именно поэтому в разное время на переднем крае философских размышлений оказываются то те, то иные проблемы. Одни актуализируются, другие отходят в тень. Такая ситуация, как бы это выразиться, вполне правомерна, достаточно понятна. И все же не то чтобы удивляет, но озадачивает положение, когда нечто активно обсуждаемое, поднимаемое, восхваляемое вдруг разом, как по какой-то команде, отбрасывается, затухает и даже почти перестает поминаться. Обычно это происходит под натиском новых политических реалий, идеологических потрясений, культурных сдвигов. Подчас это объясняется тем, что мышление немонотонно, жаждет новизны, и крутые повороты в сознании даже у одних и тех же авторов могут быть истолкованы вполне рационально. Хуже, когда это объясняется желанием «держать нос по ветру», сугубо конъюнктурными соображениями, теоретическим приспособленчеством к преобразованию социально-политической

действительности. Мы говорим об этом для того, чтобы попытаться разобраться, что же произошло у нас с диалектикой? То ли она есть что-то архаичное, и поминать ее в сегодняшнем дискурсе нелепо и неприлично? То ли она еще живет и даже может показать себя?

Еще не так-то давно, в советскую эпоху невозможно было себе представить учебник, словарь по философии, исследовательскую монографию по философии, где не было бы разделов, глав, параграфов о диалектике. Могут сказать: чего же вы удивляетесь? Де, мол, в эпоху идеологического монологизма, тоталитарного давления на умы, когда государственная идеология поднимала стяг диалектического материализма, попробовать бы авторам не поклониться диалектике. Вроде бы так. Но и не вполне так. Гераклит и Гегель были диалектики, но уж явно не марксисты. Маститый отечественный исследователь А.Ф. Лосев был «монахом в миру», но блистательно владел диалектическим размышлением. То же можно сказать о творчестве М.М. Бахтина. Однако нельзя не видеть, что в последние два десятилетия постсоветского времени во многих десятках учебников, монографий и статей даже поминания о диалектике нет как нет. Испарились, исчезли диалектические сюжеты. Да, никто не отрицает, что в современной философии есть крутой поворот к философско-антропологической проблематике, экзистенциальным проблемам. Оживилось рассмотрение вопросов взаимопроникновения философии и теологии, во весь рост встали проблемы культуры, философия науки и техники и пр. Иной раз ссылаются на то, что в мире, где якобы уже безраздельно торжествует постмодернизм, нет места для диалектической словесности. С точки зрения постмодернизма, как выразился Мишель Фуко, нельзя заставлять философию говорить на языке диалектики. Напомним, что Фуко, кстати говоря, ополчается вообще и на весь логоцентризм. По его мнению, современной философии еще предстоит найти свой язык. Вот, дескать, синергетика, идеи неопредетерминизма, системные конструкции, трансгрессия – это все то, что отбрасывает диалектику в прошлое. Это современно, а диалектика архаична. Отдадим должное концептуальным изыскам постмодернизма, но не будем делать из него новое великое учение. Вспомним заповедь «Не сотвори себе кумира». Мы-то на этом уже обжигались.

Вернемся к положению с диалектикой. Видимо теперь, когда духовный морок 90-х гг. уже вроде бы иссяк, можно более трезво определиться в отношении диалектики. Сошлемся, однако, на два серьезных исследования, вышедших не так давно: книга З.М. Оруджева «Способ мышления эпохи», где он определяет диалектический метод как учение о мышлении эпохи, взятое в пределах обобщенных форм; и монументальная монография А.В. Иванова и В.В. Миронова «Университетские лекции по метафизике». Здесь диалектика уже вновь находит свое место в системе дидактических размышлений авторов. Они отмечают наблюдающийся в мире определенный ренессанс по отношению к гегелевской философии, а следовательно, и к диалектике. За 2-3 последних года наметился такой же поворот в отношении к классической марксистской философии. Укажем лишь на книгу Жака Аттали «Карл Маркс – мировой дух» (2008). На языке оригинала она издана в 2005 г. И это – не одиночные всплески, а выявление зримой тенденции. Это первое.

Второе – это то, как соотносятся принципы диалектики со всей огромной совокупностью тщательно разработанной так называемой «формальной логики» (математической, символической и т.п.), негативной диалектики (Адорно) с системно-синергетическими конструкциями. Третье – это содержательный набор современного видения диалектики. Сколько же универсальных законов в ней фиксируется, почему только три? Многие десятилетия центральные философские учреждения были забросаны «открытиями» новых и новых законов диалектики. Делали это и дилетанты, и даже профессионалы. Но такая ситуация лишь умножала схоластическое толкование диалектических принципов. Четвертое – есть ли специфические обнаружения диалектических связей и принципов в разных сферах мира – от индивидуальной до родовой жизни, от искусства до науки и т.д. Стоит задуматься и над тем, как связаны принципы развития и детерминизма, понятия хаоса и порядка, в какой мере всеобщие связи улавливаются диалектической мыслью и соотносятся с закономерностями, фиксируемыми естествознанием, общественно-политическим и гуманитарным дискурсом. Всякий, кто достаточно много лет проработал в философии и активно участвовал в реальной жизни, мог убедиться в непреложном действии закона взаимодействия противоположностей, в значении понимания глубинных противоречий бытия. Жизнь постоянно подтверждает и напоминает пронзительные идеи Гегеля о том, как важно понять, принять, вынести и уметь разрешать реальные противоречия действительности (эпическая и трагическая история нашего Отечества, особенно в XX в., да и поныне, буквально пронизана противоречиями).

Ростовские авторы много лет активно работали в области диалектики. В. Голованов, А. Минасян, В. Кохановский, А. Щитов и многие другие оставили серьезный след в разработке проблем диалектики. Ростовская философская школа продолжает интересоваться диалектической тематикой и исследовать ее. Уже много изданий выдержал написанный под руководством В.П. Кохановского учебник «Философия», сохраняющий большую главу о диалектике, где

рассматриваются объективные и субъективные аспекты диалектики, ее структура, сфера действия и границы. Диалектическая тематика живет и вызывает интерес у молодого поколения исследователей.

Завершим этот краткое рассмотрение разумной цитатой из упоминавшейся книги А.В. Иванова и В.В. Миронова. Она звучит так: «Законы диалектики и ее категориальный аппарат в целом являются важной частью мировой и отечественной философской культуры. Они образуют своеобразный понятийный каркас, позволяющий нам диалектически и целостно смотреть на мир, не допуская огульного отрицания и не впадая при этом в догматизацию каких-то положений». Мы вполне согласны с ними. Полагаем, что в современной философии Дона и юга России многие авторы еще будут обращаться к анализу диалектического миропонимания.

Л.А. Минасян. Становление В.П. Кохановского как ученого происходило на моих глазах, в мои ученические годы. Валерий Павлович был одним из первых и самых любимых аспирантов моего отца – профессора Минасяна Артавазда Михайловича. Впоследствии отношения наставничества между учителем и учеником переросли в настоящую мужскую дружбу и союз ученых-единомышленников. Известно, что Артавазд Михайлович стоял у истоков создания и развития ростовской философской школы как школы диалектической логики, к которой можно отнести имена таких крупных советских философов, как Ю.А. Жданов, П.В. Копнин, Б.М. Кедров, Ж.М. Абдильдин, Э.В. Ильенков и многих других. С одной стороны, серия блестящих работ советских ученых с использованием принципов диалектики по проблемам обоснования оснований математики, проблемам теории относительности и квантовой механики, современной биологии, экономического учения, социальных проблем, культуры и т.д. и т.п. С другой стороны, хорошо известно и то, каким нападкам подвергалась диалектика в советский период. Сейчас часто можно прочесть в разных работах – научных, журналистских, популярных о том, под каким прессингом навязывался всем диалектический материализм в то время. Ирония ситуации состоит в том, что хотя диалектика и обвиняется во всех политических и социальных перекосах нашего непростого социалистического прошлого (под названием «диалектический материализм» культивировалась определенная идеология в советском обществе), однако говорить о торжестве как раз диалектики в эту эпоху не приходится. Достаточно указать хотя бы на те проблемы, которые существовали в связи с официальным тезисом об отсутствии противоречий при социализме, в связи с полным забвением в течение длительного советского периода такого закона диалектики как закон отрицания отрицания, неосторожное упоминание которого грозило в 30-40-е гг. 58 статьей Уголовного кодекса СССР, на торжество «лысенковщины», на скудость диалектического подхода при анализе экономических проблем в стране и т.д. Диалектика по многим аспектам подверглась гонению и в последующее время, смысл ее искажался, трансформировался и растворялся. А ведь основная задача диалектики – это познание явления в его сущности. А сущность – то как раз и эклектически, и софистически выхолащивалась. Ответом на эту ситуацию явились книги А.М. Минасяна «Диалектика и софистика» и В.П. Кохановского «Диалектика и эклектика». А.М. Минасян считал Валерия Павловича не только блестящим ученым, но и мужественным человеком, отстаивающим свои убеждения вопреки каким-либо конъюнктурным соображениям.

Особо хочу сказать о серии учебников и учебных пособий, автором которых является В.П.Кохановский. Сошлюсь при этом на статью О.М. Корчажиной «Диалектика познания и обучение мышлению: размышляя вместе с Ильенковым» (Вопросы философии. 2008. № 11). Именно запуск спиралевидного процесса образования понятий, в котором абстрактное и конкретное знание вступают в круговой характер взаимодействия, отличает структуру этих работ. И достигается это путем практического применения основных принципов диалектического метода – принципа историзма, развитого, в том числе, и в монографии В.П. Кохановского «Историзм как принцип диалектической логики», и принципа восхождения от абстрактного к конкретному, и принципа всесторонности рассмотрения и всего арсенала категорий диалектики. И это способствует достижению главной цели образования – построению процесса усвоения знаний так чтобы он одновременно был процессом воспитания ума, способности мыслить.

Очень хотелось бы, чтобы высокая роль диалектики была осознана. К тому же сейчас в естествознании возникли для этого весьма серьезные основания. Можно выделить следующие черты современных представлений о мире, требующих философско-методологического осмысления.

Во-первых, необходимость восстановления категории истины в своих правах. Аргументам об относительности истин, о плюрализме истины, об отсутствии истины вообще противопоставлена основополагающая идея в постановке современных экспериментов, в том числе, на Большом адронном коллайдере. Космологические эксперименты планируется проводить параллельно с микроскопическими. Есть надежда, что результаты совершенно различных по своему содержанию

экспериментов окажутся согласованными. И снова на память приходит отстаиваемая В.П. Кохановским, берущая начало в гегелевской философии, точка зрения о практике как критерии истины, о диалектике абсолютности и относительности истины.

Во-вторых, в физике сформировалось представление о существовании множественности разнообразных миров, различных Вселенных с различными типами исходных вакуумов в них и с различной сигнатурой пространства-времени. Вселенная, в которой обитаем мы с вами, одна из многих. Бесспорно, она особенная, ибо устроена настолько тонко, что предопределяет появление Человека с его вечным вопросом «Что есть он сам?». На повестку дня выдвигается требование рассмотрения Вселенной в качестве целостной неразложимой единицы, что выражено в стремлении описать ее исходное состояние в качестве суперсимметричного субстанционального целого. Все многообразие физического мира выступает в такой теории как акцидентальные моменты, проявляющиеся в ходе самодвижения субстанционального целого вследствие спонтанного нарушения симметрии вакуума (вакуум сопоставляется многими учеными с «темной энергией», загадочной составляющей Вселенной, содержащей в себе 76% всей энергии нашего мира). То есть методология построения современной физической теории использует диалектический принцип восхождения от абстрактного к конкретному. Трудно не заметить, что в современной физике возникло предметное поле для использования гегелевской системы и метода. Философское учение Гегеля соответствует духу современной науки, усиливается его методологическая значимость и эвристическая роль в попытках разгадать-таки тайну нашего существования.

В-третьих, представление о Вселенной как о субстанциональном целом призывает к более глубокому пониманию содержания категории материи, понимаемой не чисто гносеологически, а в Спинозианском смысле, в качестве всеобщей субстанции. Субстанциональность материи ставит вопрос об атрибутивности мышления. Движение мысли в направлении познания нашего мира как самоорганизующейся, самовосстанавливающейся тотальности, устойчивость которой является результатом взаимопревращения противоположностей материи и сознания, бросает вызов Человеку в кантовском понимании, Человеку как умопостигаемой сущности. Если Вселенная имеет тенденцию к самосохранению как любая самоорганизующаяся система, то возникает вопрос о том, какую роль в этих процессах играет человеческая духовность и нравственность. Сегодня в память о Валерии Павловиче приведу слова В.И. Вернадского: «Признание бессмертия души возможно и при атеизме. Оно нужнее для человека, чем признание существования Бога. ... В сущности, для полного удовлетворения человека важен один вопрос – вопрос не о божестве, а о бессмертии личности».

Е.Ю. Леонтьева. 4 мая 2009 г. исполнится 70 лет со дня рождения известного российского философа, известного автора учебников по философии – Валерия Павловича Кохановского. Его внезапный уход из жизни был настоящим ударом для всех нас – его учеников и коллег. Невозможно было связать воедино всегда оптимистичного, всегда добродушного и с уверенностью смотрящего в завтра Валерия Павловича и мысль о том, что все это теперь в небытии, что никогда больше не услышишь его слегка насмешливого голоса и справедливой критики.

Он был философ-марксист, убежденный и последовательный, но для меня он был и навсегда останется, прежде всего, уникальным Учителем. Научным Руководителем с большой буквы. Как это и принято в традициях ростовской школы философии студенты и аспиранты для Валерия Павловича были коллегами, мыслителями, думающими, что важно, неординарно, ново, а потому достойно. Он умел заставить работать и изучать первоисточники так, что казалось ты сам стал инициатором этого чтения.

Ну и, конечно, не любил Валерий Павлович неупорядоченность, непричесанность мыслей и слов. Где и как искать этот порядок, эту стержневую идею работы, которая часто вырисовывается после многократного прочтения и перелопачивания уже собранного и изученного материала. Для профессора Кохановского этот ответ был очевиден: Диалектика! Не изобретай велосипед! Применяй то, что уже создано, сделано и оправдало себя! Декарт учил тому, чтобы начиная «с предметов простейших и легкопознаваемых восходить мало-помалу ... до познания наиболее сложных!» А Гегель, а Маркс? Метод восхождения от абстрактного к конкретному! – Бери и пользуйся! Универсально, гениально! Да и просто. Стоит только понять суть и изюминку. Опять же – читай Гегеля! Ну и «Капитал», конечно! Он был недоволен, что используя принципы и методы диалектики в процессе исследования проблемы я не осознавала этого, для меня это не было столь же очевидно, как для него, а все потому, считал он, что: «Декарта плохо читала!.. что говорит он в четвертом правиле? Верно – «делать перечни настолько полные и обзоры столь всеохватывающие, чтобы быть уверенным, что ничего не пропущено». Это означает, что все результаты работы – в том числе и промежуточные необходимо фиксировать, при этом ни одно звено рассуждения – не должно быть пропущено. Метод исследования должен соответствовать методу изложения! Проще простого! Диалектический принцип исторического и логического!

Именно этим, на мой взгляд, и отличается учебная литература профессора Кохановского – предельной ясностью, иногда даже кажется излишним вниманием к деталям размышления, которые, как очевидные, казалось, можно было бы и опустить. Однако пытаясь отстраненным взглядом прочитать уже собственные учебные пособия, замечаю ту же излишнюю дотошность и последовательность изложения. Никаких поспешных скачков с мысли на мысль. Только строгость, логика, последовательность, диалектика [8]. Мой любимый Учитель живет не только в своих учебниках, но и в работах своих учеников.

Я не стесняюсь говорить о том, что я – как и Валерий Павлович, а в свою очередь и его учитель Артавазд Михайлович Минасян – марксист и диалектик и мне не нравится, что ради красивых слов, а может просто стыдясь назвать вещи своими именами, в современной отечественной философии порой прикрывают новыми фразами и словами очевидные (для меня, по крайней мере) диалектические идеи и принципы. В этой связи позволю себе упомянуть о так называемом ситуационном подходе, рассуждения о котором столь популярны в последнее время.

«Специфика самого ситуационного подхода, – пишет один из апологетов отечественных ситуационных исследований, – и заключается в том, что он нацеливает на конкретное и неповторимое... он должен быть общим и одновременно направленным на единичное событие. Ситуационный подход, прежде всего, выражает уникальность каждой складывающейся обстановки, формирующей объекты, но также он служит и для обозначения повторяющихся сходных уникальных состояний в различное время и в разных областях действительности [9, с. 11]. В этой же монографии далее – «рассматривая описание того или иного явления, следует помнить о том, в какой ситуации это явление отражалось либо описывалось, и здесь опять-таки появляется вопрос о субъективной ее составляющей: кто отражал, каковы его особенности и то же самое об отражаемом. Не делая такой поправки, мы бы произвольно утрачивали полноту картины и теряли объективность при анализе свойств явлений» [9, с. 41]. Или вот еще: «Ситуация есть сочетание некоторой совокупности элементов (условий, обстоятельств, положений, состояний), которые обуславливают динамику (изменения) как самих этих элементов, образующих ситуацию, так и тех объектов, которые погружены в ситуацию [9, с. 174]. И в завершение «Ситуационный подход предстает как акцент на конкретно-исторический характер рассмотрения» [9, с. 138].

Простите, простите – хочется воскликнуть! Зачем же столько слов – якобы о новом и неизведанном. Может действительно проще вспомнить о принципах диалектики! А уж о принципах этих сказано – сделано – переписано достаточно, чтобы просто брать их и применять с пониманием и с толком. Мною имеются в виду прежде сего принципы конкретности и историзма. Но в данном случае (только для краткости изложения) свое внимание заострю на первом из них.

Я не буду обращаться к Гегелю или Марксу, я обращусь к работам профессора Кохановского, который наверняка бы ответил на подобный «схоластический ситуационизм» следующими словами. «Что подчеркивает требование «конкретного анализа»? Необходимость конкретного анализа. Ударение ставится на слове «конкретный»... Конкретное – отдельное, особенное, самостоятельное, не сводимое к другому, «вот это». У В. Даля этот оттенок выражен лучше, чем в современных словарях: конкретное – точное, прямое, предметное в противоположность отвлеченному, общему... Таким образом конкретный анализ – это прямой, непосредственный анализ (в приведенной выше цитате о ситуационном анализе это «конкретное и неповторимое» – *ремарка моя* – Е.Л.) Непременно прямой и непременно непосредственный, направленный не на отвлеченное, а на то, от чего это «отвлеченное» отвлечено, на предметное...

Когда мы вычленим этот смысл, становится понятным почему Ленин ставит ударение на слове «конкретный». Ведь предмет анализа историчен, более того, даже в рамках движения истории он настолько текуч, что хотя протекание непрерывно, мы фактически, в каждом новом анализе имеем дело с такой модификацией одного и того же предмета, что вполне можем рассматривать каждую модификацию как новый предмет [10, с. 145-146]. (Говоря о ситуационном анализе автор указывает на «уникальность каждой складывающейся обстановки, формирующей объекты»).

А.В. Туркулец. Впервые жизненный путь свел нас с Валерием Павловичем в 1984 г., когда мы были еще абитуриентами философского факультета РГУ. Конечно, мы не знали и даже не догадывались о его статусе декана и председателя факультетской приемной комиссии, обо всех его официальных должностях и ученых званиях. Однако именно Валерий Павлович запомнился в тот непростой для нас период своей открытостью, внимательностью к молодым людям, своим заинтересованным участием в нашей дальнейшей студенческой судьбе.

В учебных занятиях со студентами Валерий Павлович опирался на творческий отклик со стороны аудитории, никогда не ограничивался описанием общеизвестных и прописанных в учебниках положениях, дефинициях и «фактах». Однако требовательность к интеллектуальному студенческому творчеству была довольно высока, оно должно было быть обеспечено строгостью

мышления и последовательностью доводов и аргументов. Сам предмет изложения – диалектика – требовал от участников учебного процесса постоянной аналитически-рефлексивной работы. Этот импульс творческого поиска и одновременно предельно организованного мышления (своеобразная «прививка диалектики») во многом и определил наши дальнейшие самостоятельные исследования.

Профессиональные контакты уже в качестве коллег по «философскому цеху» осуществлялись с Валерием Павловичем в рамках работы над докторской диссертацией. В этот период он стал настоящим Учителем, так как оказал неоценимую поддержку не только в чисто исследовательском плане, раскрывая секреты своей «мастерской работы» (направляя и организуя фантазии своих подопечных, дабы последние «не растекались мыслию по древу»), но и в общежитейском, человеческом плане. Не ограничивая область наших личных интересов, Валерий Павлович четко обозначил общее направление исследований – сфера социального познания. В данной теме наиболее важным стал аспект взаимодействия рационального и внерационального.

Наиболее значимой для нашего исследования была идея о том, что для адекватного выражение знания о социальном мире и выработки реальных проектов преобразования данного мира, требуется все более тесное сближение и взаимодействие противоположных концептуально-методологических подходов: рациональных и внерациональных, научных и вненаучных, экзотерических и эзотерических, явного и неявного знания. Данное положение послужило своеобразным программным ориентиром в наших диссертационных исследованиях.

Социальная жизнь зачастую требует от человека дать ответы на вопросы, которые не всегда могут быть однозначно сформулированы, обоснованы логически или научно. Ему приходится искать ответы в своем сердце, в душе. Своими поступками, своею жизнью должен человек проверять правильность избранных им ответов на сокровенные вопросы существования. Социальное познание в определенном смысле и является процессом поиска глубинной сути собственного бытия. Здесь в неразрывном единстве «сплавлены» разум и вера, воля и страсть, совесть и долг, вечные ценности и сиюминутные оценки. Процесс постижения собственной сути скорее напоминает блуждание по запутанному лабиринту, чем прогулку по аллеям английского парка. В стремлении выбраться из тупиков и ловушек бытия человек использует разнообразные средства, как разумно обоснованные, так и чувственно-эмоционально оправдываемые. По мере накопления социокультурного опыта преодоления перманентно возникающих проблем формируются историко-культурные духовные традиции, выражающиеся в тех или иных концептуальных формах. Наиболее значимыми здесь являются рациональная и внерациональная «парадигмы».

В истории своего развития, данные познавательные традиции, как правило, рассматривались в качестве самостоятельных и независимых друг от друга. Все многообразие форм самосознания той или иной культуры традиционно пытались расположить между этими двумя полюсами. Рациональные и внерациональные феномены оценивались как непересекающиеся и не влияющие друг на друга факторы познавательной активности. Однако сам опыт исторического развития когнитивной деятельности человека опроверг эти идеи. В реальной динамике социокультурных взаимосвязей данные феномены невозможно разорвать, они дополняют друг друга, обогащая когнитивный опыт человека разнообразием восприятий, способствуя формированию наиболее полной картины бытия.

Исследования в области социального познания и его методологии показали, что рациональные и внерациональные формы, способы, приемы не просто являются атрибутивными компонентами данного процесса. Именно их диалектические взаимодействия, сложная и зачастую неясная самому субъекту взаимосвязь и формирует реальную основу его познавательной активности.

С точки зрения Валерия Павловича, важной особенностью социального познания является то, что в нем нет общепризнанных парадигм. «Отсутствие общепризнанных парадигм означает неизбежность «теоретического анархизма» в гуманитарных науках, ибо здесь нет «единственно истинной теории». Поэтому множественность конкурирующих между собой концептуально-теоретических схем социальной реальности и возможность свободного выбора любой из них – это норма, а не какая-то аномалия» [11, с. 477].

Дело в том, что сам предмет социально-гуманитарного познания в силу своей специфики как бы «провоцирует» постоянное изменение теоретико-методологического, концептуального арсенала исследований. Особо наглядно эти «провокации предмета» выражаются в современной культурно-исторической ситуации, в современном трансценциальном (скоротечном, чрезмерно быстромеменяющемся) мире. Уровень сложности социальных объектов все более возрастает, изменяются структурные параметры казалось бы незыблемых социальных норм и традиций. Претерпевают значительную трансформацию и содержательные аспекты социальных взаимодействий. Происходит своеобразное взаимопроникновение ранее антагонистических по отношению друг к другу форм и способов социального существования. Чрезвычайно повышается

роль субъективно-личностных, персонально индивидуальных, «экзистенциально размерных» аспектов социально-культурного бытия человека. Стоит отметить, что именно Валерий Павлович весьма своевременно поставил вопрос о кардинальном изменении методологии социального познания, о необходимости формирования новой его парадигмы, отвечающей реалиям современного мира, способной дать в руки исследователей более надежный и адекватный «инструментарий» постижения и преобразования социальной реальности. Своеобразный проект новой парадигмы социальной методологии содержится в его работе «Философские проблемы социально-гуманитарных наук» (2005) [12].

Стороннему наблюдателю может показаться, что здесь налицо противоречие в позиции автора: с одной стороны выдвигается тезис о том, что в социальном познании нет общепризнанных парадигм, а с другой, утверждается необходимость формирования новой концептуальной парадигмы. Однако противоречия здесь нет, есть развитие научных знаний о весьма сложном и динамично развивающемся предмете. Данное обстоятельство выступает своеобразным источником дальнейших исследований глубинного содержания и многообразных форм выражения социально-познавательной активности человека.

По нашему мнению, творчество Валерия Павловича (и особенно наглядно это выражается в его последних произведениях) было лишено политических и идеологических «шор», сиюминутной «злостной актуальности», лежало за пределами корыстных личностных амбиций. Для него всегда было характерно стремление по возможности наиболее объективно и профессионально честно рассмотреть узловые проблемы философии. Причем стоит сказать, что область исследовательских интересов Валерия Павловича не ограничивалась традиционным набором методологических тем и проблем. Он постоянно расширял горизонты применения своих методологических проектов и находок, рассматривая довольно дискуссионные темы. В этой связи абсолютно закономерным является, например, обращение к творчеству религиозных отечественных мыслителей (в частности, к идеям В.С. Соловьева), а также исследование содержательного взаимодействия философской герменевтики Г. Гадамера и традиций рационалистической диалектики.

Любое событие как профессионального, так и личного плана служило для Валерия Павловича постоянным призывом к мыслительной работе, неким поводом к тому, чтобы его исследовать, анализировать, скрупулезно разбирать и творчески осмысливать. Вспоминается, как однажды, находясь в больнице, Валерий Павлович заметил, что в силу нехватки профессиональной литературы, читает («в который уж раз!») русских классиков и сам себя ловит на мысли, что начинает творчески редактировать и перерабатывать тексты Л.Н. Толстого (речь шла о «Войне и мире»). И вообще это касается не только литературных текстов, но и «письмен самой жизни». Полушутя и явно иронизируя над самой «больничной ситуацией», Валерий Павлович добавил: «Здесь принимают, а там выпускают. Дорога открыта в обе стороны».

В то время, конечно, невозможно было предположить, насколько эти слова окажутся пророческими. Но сегодня с уверенностью можно сказать: да, уважаемый Валерий Павлович, Вы оказались правы. Дорога открыта в обе стороны. Это дорога жизни, идея по которой всегда приходится обращаться к началу, к тому, с чего все начиналось, к тем маякам, которые своим душевным светом, теплом и талантом освещают нам путь в направлении дальнейших поисков и Открытий.

А.В. Белов. В 1978 г. В.П. Кохановский опубликовал монографию «Историзм как принцип диалектической логики», а затем и защитил на эту тему докторскую диссертацию. Он был убежден, что верное, научное исследование любого вопроса невозможно без исторического взгляда на все развитие явления в целом; без рассмотрения предмета в его непрерывном развитии нельзя понять его сущности, которая и раскрывается в ходе развития этого предмета. В.П. Кохановский рассматривал историзм как закон логики, важнейший элемент доказательства, объяснения, отражающий такую фундаментальную диалектическую закономерность материального мира как его развитие. Логическую структуру историзма он представлял в единстве следующих основных компонентов:

1. *Настоящее* – исходный пункт исторического рассмотрения. Выяснение того, что такое тот предмет, историю которого требуется изучить, т.е. составление предварительного представления о предмете.

2. *Генезис явления* – ограничение предмета от его предпосылок и определение начала предмета, исходного пункта его истории.

3. *Этапы развития предмета* – выделение необходимых фаз, основных периодов его истории.

4. *Тенденции развития предмета* – предвидение будущего – завершающий момент исторического рассмотрения.

Почему же *настоящее* – ключ к пониманию *прошлого*? Потому что «механизм» любого развивающегося предмета таков, что «наличествующая настоящая форма» включает в себе все предшествующие ступени. Значит, надо сначала знать, что такое данный предмет, чтобы понять те изменения, которые с ним происходят. Требование «конкретного анализа конкретной ситуации» можно реализовать, если неотступно следовать трем органично взаимосвязанным взглядам: *ретроспективному*, *актуальному* и *перспективному*, ибо любое явление движется от прошлого к настоящему, а от него – к будущему. Однако дело обстоит противоположным образом, когда начинают рассуждать теоретически. Научный анализ действительного исторического развития избирает путь, который противоположен этому развитию. Он начинается *post festum* (задним числом), иначе говоря, исходит из готовых результатов процесса развития. Впрочем, знания о настоящем являются сперва абстрактными и весьма общими, ибо дают неполную, схематическую картину этого предмета. Это обусловлено уже хотя бы тем, что здесь сохранены главным образом необходимые, существенные стороны истории предмета и отсутствует все «зигзагообразное», случайное, второстепенное.

В.П. Кохановскому принадлежит выработка критериев *начала* любого явления. Оно начинается, когда: *а)* появляется как целое, хотя еще и не законченное, не завершённое, как внутренне самостоятельная, органически взаимосвязанная система всех своих предпосылок (элементов), хотя эта система еще полностью неоформленная, незрелая, неразвитая; *б)* встречается не спорадически, эпизодически, случайно, как аномалия, не в виде исключения, а систематически, регулярно; *в)* приобретает определенную прочность, известную устойчивость и достаточную широту распространения; *г)* однажды возникнув, появившись в каком-либо месте, уже не исчезает, а «пускает корни» и развивается вширь и вглубь, то есть когда имеется в виду дальнейшее поступательное движение, в процессе которого данное явление успевает в определенной мере развернуть свою сущность.

Возникшее новое явление в начале своего существования всегда будет весьма бедным по содержанию, незрелым явлением, не развернувшим всех своих свойств и моментов, не расчлененным внутри себя на составные части. Оно не развертывает всей глубины, богатства, многообразия и специфики своего содержания, ибо все это пока еще полностью не оформилось, не выкристаллизовалось. После возникновения в начале своего бытия проходит период становления, то есть формирования, усложнения и совершенствования своей структуры. Категория *становления* отражает особую, незавершенную форму существования предметов, явлений материального мира, то есть такой этап развития всякого нового, когда оно уже появилось на свет, но еще полностью не сформировалось. Иначе говоря, специфика категории становления состоит в том, что она обозначает то, что еще не существует как вполне сложившееся явление, но уже начало существовать. Тем самым эта категория отражает противоречивость процесса формирования и утверждения нового в борьбе со старым. Но поскольку новое явление появляется на свет в результате развития и обострения противоречий предшествовавшего ему старого явления, то становление нового явления есть непосредственный процесс разрешения старых противоречий и одновременно – процесс постоянного возникновения и разрешения новых противоречий. Поэтому начало предмета есть начало разрешения старых противоречий и в то же время – исходный пункт развития тех новых противоречий, которые нарождаются вместе с новым предметом и являются источником его саморазвития.

Только такой взгляд, – который фиксирует объективный процесс развития, протекающий под воздействием основного противоречия предмета, и доводит его до логического конца, то есть до разрешения, в результате чего вновь и вновь создаются предпосылки нового качественного состояния следующих за ним достаточно длительных отрезков истории, когда они наполняются новым содержанием и сбрасывают старые формы, – способен «схватить» природу органической целостности, следовательно, дать научную периодизацию тех стадий, которые она проходит в своем развитии: и стадии становления предмета, и стадии эволюции, когда предмет есть уже нечто «ставшее».

После периода становления предмета наступает более или менее длительный период всестороннего его совершенствования и развития. Теперь предмет уже «с самого себя начинает и само себя предполагает», то есть развивается на основе предпосылок, созданных в процессе становления. Последующая эволюция предмета «формирует дальше то, что уже было сформировано раньше», делает его определеннее внутри себя, развитее и глубже. Проблема периодизации должна решаться как при анализе генезиса предмета, так и при рассмотрении его эволюции. Периодизация, отвечающая на вопрос: «какие главные этапы в своем развитии явление проходило?» (В.И. Ленин), – это процедура научного исследования, позволяющая членить органическую целостность на периоды (этапы, фазы), согласно найденному основанию.

Таким основанием В.П. Кохановский считал развертывание основного, фундаментального противоречия предмета между его противоположностями вплоть до разрешения этого противоречия. Дойти до сущности исследуемого предмета – значит вскрыть основное противоречие, которое движет предмет, как целостность, от начала до конца его существования; и не только вскрыть, но и рассмотреть этапы его развертывания. Каждый основной этап, главная необходимая ступень – это одно из посредствующих звеньев этого развертывания. Поэтому история, «развитие, усложнение внутренней организации предмета выступает как включение в данное отношение всех новых промежуточных звеньев», причем эволюция основного противоречия – это процесс возрастания не только количества посредствующих звеньев, но и их качественных различий. Поскольку каждый предмет имеет только одно основное противоречие, постольку продолжительность развертывания действия этого противоречия есть продолжительность существования данного предмета.

После своего возникновения предмет, хотя и изменяется, однако в главных своих чертах остается одним и тем же. Проходя различные ступени своей эволюции, он все же на протяжении всей своей истории сохраняет свою основную конструкцию, свои главные закономерности, существенные стороны и связи. Поэтому принцип историзма требует рассуждать не об истории «вообще», а о «конкретной истории конкретного предмета» и понимать его развитие не как плавный постепенный процесс, а как ряд сменяющих друг друга качественно своеобразных ступеней, для каждой из которых существуют свои конкретно-исторические условия и специфические закономерности. Принцип историзма обязывает подмечать то, что характерно для данной ступени развития предмета, а не только то, что применимо ко всем его ступеням. Итак, при изучении истории предмета познание должно: 1) выделить необходимые, качественно-своеобразные этапы его развития и установить их связь; 2) выявить «особенные принципы» каждого из этих этапов; 3) установить общие закономерности, которые действуют на всех этапах истории предмета, т.е. свойственны всему предмету в целом; 4) понять диалектику этих общих закономерностей и «особенных принципов» и, исходя из нее, объяснять природу каждого единичного исторического факта, события; 5) не смешивать особенные принципы с общими; 6) не подменять принципы одной ступени принципами другой.

А.П. Федоровский. Проблема человека, в качестве субъекта как исторического процесса, так исторического познания очень часто поднимается в самых разнообразных работах Валерия Павловича. Не являются исключением и сугубо «камерные» теоретико-методологические исследования. Причем круг затрагиваемых вопросов чрезвычайно широк. Кем выступает человек на «суде истории»: обвиняемым или обвинителем? Кто он: творец истории или ее жертва? Способен ли он постичь глубинный смысл уже свершившегося и того, что происходит вокруг, непосредственным свидетелем чего он является или все это непостижимо для разума?

Ответы на подобные, весьма непростые вопросы, давались «по-кохановски» ясно, четко, предельно аргументировано. Их содержание, как можно предположить, определялось двумя фундаментальными составляющими, одной из которых являлась приверженность гуманистическим идеалам, ясность представлений о «должном», а другая находила свое основание в собственно философской рефлексии, в уникальном аналитическом таланте профессора Кохановского.

Лучше других понимая важность методологического обеспечения научных изысканий в социально-гуманитарной сфере, Валерий Павлович, уже будучи маститым профессионалом, обращается к идеям герменевтического круга, к современным социальным теориям. Он приходит к концептуальному выводу о нераздельности «испытателя и испытуемого», субъекта и объекта исторического познания. Самая радикальная приверженность принципам объективности и научной строгости, не в состоянии превратить историка в «чистого» гносеолога или методолога, последний есть продукт «исторического опыта, впитываемого им» [3, с. 21].

Впрочем, указание на недопустимую узость картезианских гносеологических стратегий в отношении истории, неожиданно обнаруживает в себе особое экзистенциальное измерение, новый смысловой пласт в трудах Кохановского. Очевидно, что расширение «прав» историка подспудно подразумевает и «реабилитацию» субъекта исторического процесса, снятие с него обвинений в допущении разного рода ошибок, а то и в провале самого проекта, именуемого «историей человечества». Если вооруженный самыми современными познавательными возможностями, обладающий всеми необходимыми компетенциями ученый имеет право на «личное», фантазийное, домысленное, то уж непосредственный участник исторических событий, вынужденный двигаться «на ощупь» и принимать спонтанные, ничем не гарантированные решения, в праве исходить из той самомотивации, которую он рассматривает как приемлемую.

Исторический актер, таким образом, не является менеджером исторического проекта, скорее, он участник исторической драмы, в которой роль теоретического разума подчинена страстям,

находящимся по ту сторону рации. При этом он наделен «божественным даром» гениальности, тем особым «вкусом», который позволяет ему делать «нравственные, эстетические оценки о годном и негодном, правильном и неправильном, добром и злом и т.д.» [3, с. 23]. История, таким образом, вовсе не лишена собственной логики и специфического смыслового содержания. Но это не имманентная логика истории в ее гегельянском понимании, и никакая иная разновидность предписанной логики. Это логика ценности, логика поступка, логика реализации человеческой свободы.

Таким образом, «человек исторический», по Кохановскому, представляется носителем равнозначественных, взаимодополняющих ценностей: ценностей рассудка и ценностей высшего, сверхэмпирического порядка. В этом смысле «*homo historicus*», непосредственно обнаруживающий себя в поле исторического, ничем не отличается, или, во всяком случае, не должен отличаться от внешнего наблюдателя, анализирующего социальную ретроспективу. Задача и того и другого состоит в таком поиске истины, который сочетал бы в себе интеллектуальный и нравственный акты, который вернул бы высшие ценности и идеалы из сферы трансцендентального в сферу жизненного мира, социальных и дискурсивных практик.

О.Ф. Иващук. В.П. Кохановского отличали две особенности, чрезвычайно важные для руководителя: во-первых, удивительный такт по отношению и к подчиненным на кафедре, и к подопечным, научную работу которых он курировал. Он всегда старался дать им как можно больше инициативы, избегая мелочной регламентации, чтобы человек, решая проблему, которая ему выпала, смело задействовал весь свой потенциал и инициативу. Он умел считаться с нашим собственным видением ситуации и принимать с большой чуткостью все то оригинальное, что приносили такие «самовольности», даже если они не вписывались в его ожидания.

Во-вторых, гибкость его ума позволяла ему быть очень чутким к назревающим тенденциям в образовательной и теоретической ситуации в философии. Валерий Павлович задолго до появления официальных директив по подготовке аспирантов и переориентации нашей системы образования на двухступенчатую модель начал убеждать своих коллег по кафедре в необходимости углубления в специализацию тех дисциплин, для представителей которых мы ведем курсы философии на естественных факультетах. Мне и не верилось тогда, что придет время, когда мы, как сейчас, должны будем разрабатывать курсы по философии математики, физики, психологии, биологии и т.д. И именно тот задел по методологии науки, который он создал еще тогда, в особенности его книга «Философия и методология науки», ложатся сейчас в основу наших разработок для аспирантов и магистров, а в моем случае надо сказать и о курсе по методологии для культурологов, который читал когда-то Валерий Павлович и который теперь перешел ко мне.

В этой связи мне и хотелось бы на одном из примеров показать, во что выливаются, к видению и осмыслению каких проблем позволяют подступиться его начинания, касающиеся философии науки. Лоном рождения философии науки считается, как известно, позитивистская традиция. В ее установке «привязки» к наблюдаемому, к форме наличного бытия, проблеме возникновения нового знания выносились за скобки, в сферу психологического интереса, предметом исследования был только результат – обоснованность полученной теории как ее соответствие нормам обоснования (непротиворечивости, фальсифицируемости прежде всего и др.). В процессе же творчества, как это выразил Пол Фейерабенд, «все дозволено», методология не может дать или выработать в принципе никаких предписаний.

В отечественной философии науки, и на это обращают внимание даже в учебной литературе (Степин В.С. Философия науки. Общие проблемы: учебник для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук. 2006), эта сторона дела проработана не в пример более глубоко, даже вариативно. В.С. Степин имеет в виду ближайшим образом минскую школу (Степин, Томильчик, Кузнецова и др.). В ней генезис теории выглядят следующим образом. Первичные теоретические схемы (на ранних стадиях науки) возникают как систематизации опыта. Позже, как считается, имеет место трансляция категориальной схемы из других предметных областей и замещение ее элементов новыми – абстрактными объектами, выработанными как схематизация изучаемой предметности. При этом, когда абстрактные объекты занимают места в «чужой» схеме отношений, у них возникают (теоретически предсказываются) новые свойства, которые не только могут, а рано или поздно обязательно начинают противоречить исходным. Откуда можно заимствовать схему – подсказывает научная картина мира, в которой просматривается общность природы разных предметных областей.

При перемещении идеальных объектов с четко установленными свойствами в новую сетку отношений у них будут возникать такие свойства, которые несовместимы с зафиксированными. Например, в планетарной модели (теоретической схеме) атома у электрона возникает свойство стабильно двигаться по круговой орбите, т.е. двигаться с ускорением – и при этом не излучать. Это

противоречие в теории, поскольку электрон, согласно его предыдущей теоретической характеристике, при ускоренном движении должен излучать энергию.

В.С. Степин интерпретирует эту ситуацию как сигнал появления «неконструктивно введенных» объектов, то есть не полученных как схематизация экспериментальных операций. Такие объекты должны быть элиминированы и заменены на конструктивные, которые противоречить не будут. В рассматриваемом примере неконструктивным объектом является электронная орбита. Теоретический объект «ядро» конструктивно обосновал Резефорд, обосновал как центр отталкивающих сил, рассеивающих тяжелые частицы на большие углы: такое рассеяние можно наблюдать в эксперименте. Конструктивное же обоснование электрона потребовало перестройки модели в квантово-механическую, этим занимались уже Н. Бор, А. Зоммерфельд, В. Гейзенберг. Перестройка этой модели напоминала гештальт-переключение, потребовала новой картины мира, нового способа видеть мир. В том числе вместо одиночного электрона, исследовать характеристики которого оказалось невозможным, исследователи переключились на изучение поведения многоэлектронной системы и электронно-позитронного поля.

В любом случае, конструктивное введение нового абстрактного объекта предполагает «предельный переход» (т.е. переход через бесконечность, которая является всегда выражением не выявленного противоречия). Так, Максвелл в поиске общих законов электромагнитного поля начал с электростатики. Аналоговой моделью для силовых линий, введенных Фарадеем при объяснении электромагнитной индукции, стали трубки с несжимаемой жидкостью (заимствование из гидростатики). Благодаря подстановке, у силовых линий появилось новое свойство: отрыв от зарядов. Обосновывающей моделью стал идеальный (!) конденсатор, вариация зарядов на пластинах которого моделирует ситуацию, когда заряда практически нет, он стремится к (но не равен) нулю (это и есть предельный переход), а вся энергия находится в диэлектрике между пластинами. Отсюда теоретически предсказуема возможность распространения волн.

Таким образом, конструктивно обосновать – это значит представить теоретическую модель не только как некую онтологическую схему, но и как свертку *действий, предметно-практических процедур*, результаты которых могут быть истолкованы (благодаря предельному переходу) как выявление теоретически полученных признаков. В.П. Кохановский всегда ценил диалектический метод, верил в его исследовательские возможности невзирая ни на какие модные перемены в «сообществе».

С.Е. Туркулец. Жизнь замечательного ученого, талантливого человека всегда оставляет о себе долгую и добрую память. Вспоминая Валерия Павловича, его острый ум, удивительную жизненную яркость, начинаешь понимать, как повезло тем, кто знал лично этого человека, общался с ним, тем самым, приобщаясь и к истинной науке и к философской мудрости.

В первые месяцы нашего обучения на философском факультете (осень 1984 года) была организована дискуссия на тему «Является ли философия наукой?». Мы, еще «зеленые» первогодки, взирали с восхищением на мэтров факультета – Кохановского Валерия Павловича, Щитова Алексея Алексеевича, Потемкина Алексея Васильевича, Молчанова Виктора Игоревича и других замечательных преподавателей и пытались «с ловкостью слона» отстаивать собственное (откуда оно взялось?) мнение по вопросу дискуссии. И несмотря на то что у большинства из нас и после завершения дискуссии так и не было ясного ответа на поставленный вопрос, одно мы поняли ясно: здесь нас научат думать (уже гораздо позже мы стали называть это рефлексией).

Без всякой натяжки Валерия Павловича Кохановского многие из выпускников философского факультета РГУ называют Учителем. Он учил нас правильно понимать диалектику, критически осмысливать устоявшиеся парадигмы, видеть перспективы в зарождающемся новом. Сам он всегда шел в ногу со временем. Его учебники по философии и методологии науки стали «варягами» в конце 90-х гг. XX столетия.

Что бы мы не исследовали, что бы не преподавали, мы неизменно обращались к исписанным тетрадкам – конспектам лекций В.П. Кохановского, его идеям, его работам. Особое внимание всегда привлекал широкий кругозор, великолепная эрудиция Валерия Павловича. Базовое естественнонаучное образование позволяло ему четко, эффективно и умело применять знание закономерностей развития природы в целях более глубокого изучения социальных феноменов, природы и сущности человека.

Определяя контуры формирующейся новой парадигмы социально-гуманитарного знания, В.П.Кохановский начинает с указания на сближение естествознания и социально-гуманитарных наук, в том числе их методологий, утверждая, что от синтеза знаний зависит будущее человеческого рода. Несмотря на то, что «новой» парадигму социальной методологии Валерий Павлович назвал 10 лет назад [11], до сих пор его видение причин, требующих новой методологии социального познания, а главное – выявление и описание ее основных черт, продолжает оставаться

актуальным, в полной мере не освоенным материалом для значительного числа исследователей социально-гуманитарных проблем.

Обращение к углубленной разработке, совершенствованию методов и приемов социального познания Валерий Павлович связывал с недостаточным уровнем методологического обеспечения конкретных исследований, в частности, социологических. Приводя перечень некоторых весьма эффективных методов социально-гуманитарного познания, В.П. Кохановский указал на проективные методы, как «совокупность исследовательских процедур, позволяющих получать научно обоснованные данные о тех установках или мотивах, информация о которых при применении прямых исследовательских процедур подвергается определенным искажениям» [11, с. 486]. Наряду с общеизвестными методами – анализа документов, опроса, тестирования и др. – в качестве продуктивных он называет также метод отражений субъективности (анализ личности индивида через его идеальную представленность в жизнедеятельности других людей); метод групповой дискуссии (одна из форм – «мозговой штурм»); монографический метод (тщательное всестороннее изучение проблемы и проекция вывода на более широкую область объектов) и т.д.

Важнейшим контуром (основной чертой) новой парадигмы социально-гуманитарного знания и его методологии В.П. Кохановский называет поворот к конкретному человеку. Приводя афоризм Л.Фейербаха, он заключает, что «человек – центр всей методологии». А вслед за К. Ясперсом утверждает, что в своем предельном выражении все теоретико-методологические схемы служат выражением духовной борьбы за способы бытия человека. Диалектика у Валерия Павловича всегда шла рука об руку с практикой. И в описании методологии социально-гуманитарного познания он, завершая перечень основных ее черт, отмечает, что одной из важных тенденций выступает здесь ориентация не только на познание, но и на социально-историческую практику. Еще не одно поколение гуманитариев будет обращаться к трудам и идеям В.П. Кохановского. Его призыв к самостоятельному, критическому и творческому мышлению звучит и сегодня. Используя богатое теоретическое наследие, оставленное нам Учителем, следует направить наши исследовательские усилия на достойное преобразование собственного (человеческого) бытия.

Т.И. Барсукова. Философское наследие Валерия Павловича Кохановского, моего Учителя, декана, научного руководителя – это пример научного бессмертия ученого, чьи идеи в области методологии научного познания не теряют своей актуальности. Ни один аспирант не обходит вниманием его работы по теории и методологии науки, готовясь к сдаче кандидатских экзаменов и разрабатывая теоретико-методологическую часть диссертации.

Перечитывая работы В.П. Кохановского, посвященные принципам историзма [1] и другим принципам диалектической логики, механизмам их реализации в социальном познании и общественной практике [12], не устаешь удивляться критичности его мышления по отношению к теоретикам и практикам социально-политического преобразования общества. Даже в его книгах, изданных при советской власти, красной нитью проходит мысль: «Вы (высокостоящие начальники), "...диалектику учили не по Гегелю"»!

«Современный мир – это сложная динамичная целостная система, – отмечается в книге, написанной Валерием Павловичем соавторстве с Игорем Владимировичем Вагиным, – для адекватного постижения которой необходимо обратиться к «высшей форме мышления» – материалистической диалектике. Она и есть тот «единственно научный метод», который позволяет глубоко понять реальную действительность в ее взаимодействии, в ее развитии, в единстве всех ее противоречий, ибо, как справедливо отмечал Гегель, кто разумно (т.е. диалектически) смотрит на мир, на того и мир смотрит разумно» [12, с. 3]. Обращение к российской действительности начала XXI в. позволяет констатировать, что предлагаемые властью реформы общества зачастую не являются логическим следствием его потребностей. Валерий Павлович писал о том, что диалектико-материалистический историзм требует рассуждать не об истории «вообще», а о конкретной истории конкретного объекта и понимать развитие предмета не как плавный постепенный процесс, а как ряд сменяющихся качественно своеобразных ступеней, для каждой из которых существуют свои конкретно-исторические условия и специфические закономерности. Внеисторичность взглядов и действий многих нынешних политиков детерминированы тем, что реформирование общественных отношений они пытаются проводить без учета состояния конкретного социального пространства и социального времени как форм бытия социума.

Например, территориальное общественное самоуправление является одним из важнейших социальных институтов становления гражданского общества, которое «задержалось» в своем развитии по сравнению с рядом европейских стран. Усилия власти направлены на ускоренное «проталкивание» идеи гражданского общества, несмотря на неподготовленность граждан страны, большинство из которых даже не воспринимают ее. Налицо коллизия: местное самоуправление, которое естественно развивалось в странах Запада, являясь одним из побудительных мотивов

становления демократии вообще, не совсем вписывается в ментальность россиян, привыкших к централизации власти, социальному патернализму и иждивенчеству. Или исследование проблем территориального общественного самоуправления (ТОС) показывает, что у большинства россиян нет естественной жизненной потребности в самоуправлении вообще, тем более в его «народной форме». Именно поэтому слова Кохановского – «нельзя рассуждать «вообще», абстрактно, надо всегда ставить и решать те или иные теоретические и практические вопросы в соответствии со специфическими условиями места, времени и другими обстоятельствами» [1, с. 105] – должны стать руководством к действию для политиков и ученых.

Сложный и противоречивый процесс становления муниципального управления как одного из институтов гражданского общества проявляется как развертывание диалектики социальной свободы и необходимости в формировании отношений между органами местного самоуправления и членами местного сообщества. Многие ученые отмечают: жесткая централизация управления, свойственная тоталитарным режимам, выступала препятствием для свободного развития элементов гражданского общества. В этих условиях, как никогда ранее, актуализируется задача формирования своеобразного института общественной инициативы, призванного изучать происходящее, определять ценностные ориентиры общественного развития, осуществлять контроль деятельности управленческого аппарата и развивать начала самоорганизации и самоуправления.

Необходимость становления гражданского общества в России отражает общемировую тенденцию дестатизации и демократизации общественных отношений. Необходимость второй обусловлена необходимостью профилактики социального хаоса. Одним из аспектов проявления человеческой свободы является способность человека преобразовывать окружающий мир. В процессе этого преобразования возникают различные формы самоорганизации, которые приводят, нередко, к неожиданным результатам.

Из рассмотрения проблемы соотношения свободы и необходимости вытекает потребность обращения к вопросам ответственности граждан за принимаемые решения и формы их воплощения в реальность. Ученые отмечают, что демократизация российского местного самоуправления проявляется в том, что местное население превращается в заинтересованный, решающий субъект управленческих отношений на местах. Конституционную основу этого процесса составляет право населения самостоятельно определять структуру органов местного самоуправления (п. 1 ст. 131). Вопрос о структуре органов управления может решаться населением в любой из форм, в которых осуществляется местное самоуправление. Но самостоятельность означает и принятие на себя юридической и иной ответственности за все акты и решения.

Развитие гражданского общества – это и изменение сознания граждан, которые воспринимают себя как творцов своей жизни, а через формирование органов местного самоуправления несут ответственность и перед сообществом, к которому принадлежат. Необходимость проявляет себя в двух формах: как необходимость формирования гражданского общества и как необходимость органов местного самоуправления осуществлять свои властные полномочия. Свобода самоорганизации граждан в определенной мере ограничена рамками необходимости и тесно связана с социальной ответственностью.

В основе рассмотрения всех аспектов процесса социального развития лежит диалектический, конкретно-исторический подход, который не всегда соблюдается исследователями. В ряде работ, посвященных проблемам российского общества, проявляется аморфность определения хронологических рамок событий, состоящая в том, что они весьма часто и охотно применяют словосочетание «современные условия»: к примеру, «развитие казачества в современных условиях», «проблемы самоуправления в современных российских условиях», «воспитание гражданина в современных условиях» и т.п. Согласно Кохановскому, требование конкретно-исторического анализа социальной ситуации состоит в том, чтобы выявить признаки, моменты, которые общи всем ступеням общественного развития данного конкретного явления, и найти специфические особенности каждой из этих ступеней. Глубокое знание принципа историзма, сознательное последовательное применение его при анализе сложных динамических процессов современной эпохи – важнейшее условие для всестороннего понимания подлинной сущности этих процессов, отмечал Валерий Павлович.

Анализ социальных процессов включает в себя не только исследование настоящего с позиции принципа конкретности, но и интересующее всех нас будущее. Как позитивный момент, как следование принципу конкретно-исторического познания можно отметить социологические исследования общественных процессов, проводимых в форме мониторинга. Они позволяют избежать построения спекулятивных, умозрительных конструкций относительно будущего, например, в развитии местного самоуправления и выявить основные тенденции в данной сфере общественного переустройства. Применительно к изучению процесса реализации реформы

местного самоуправления в Российской Федерации конкретно-исторический подход реализуется в достаточно полной степени. Раскрытие противоречий в формировании местного самоуправления служит задаче выявления тенденций его развития, теоретическому обоснованию его будущих форм, в которые превратится данный феномен вследствие их разрешения. В.П. Кохановский особо подчеркивал, что первостепенное значение имеет выявление основного противоречия предмета. Основное противоречие разворачивания реформы местного самоуправления – между стремлением России вписаться в мировую демократическую систему, в том числе и посредством развития самоуправления и неготовностью, а следовательно, и нежеланием общественного сознания россиян к его принятию как необходимости.

Т.Б. Фатхи. Проблема роста научного знания освещалась Валерием Павловичем Кохановским в работах «Философия и методология науки» (1999), «Основы философии науки» (2004, 2005, 2007). Рассматривая такую характеристику научного знания как его динамика, включающую изменение, развитие, рост знания, В.П. Кохановский заметил: «Эта идея, не такая уж новая, была высказана уже в античной философии, а Гегель сформулировал ее в положении, что «истина есть процесс», а не «готовый результат»» [17, с. 242]. В.П. Кохановским отмечено, что эта проблема активно исследовалась в диалектико-материалистической философии «с методологических позиций материалистического понимания истории и материалистической диалектики с учетом социокультурной обусловленности этого процесса» [там же], где было показано, что развитие знания представляет собой сложный диалектический процесс, имеющий специфические качественно определенные этапы. И, на наш взгляд, это очень важное замечание, так как в современной философии науки наметилась тенденция связывать подходы к решению проблемы роста научного знания в основном с концепциями представителей постпозитивизма и эволюционной эпистемологии.

В.П. Кохановским глубоко проанализированы основные подходы к проблеме роста, развития знания, изложенные в работах Ж. Пиаже, Т. Куна, И. Лакатоса, П. Фейерабенда, Ст. Тулмина, К. Поппера. Показано, что в своей генетической эпистемологии Ж. Пиаже пытается объяснить генезис знания вообще (а в частности, и научного), опираясь на историю его развития, психологические механизмы его возникновения, а также на воздействие внешних факторов развития общества. Согласно фундаментальной гипотезе генетической эпистемологии Ж. Пиаже, существует параллелизм между логической и рациональной организацией знания и соответствующим психологическим процессом, механизмы которого он и положил в основания объяснения возникновения знаний. Немаловажную роль в развитии знания играет и «правило сотрудничества», согласно которому знание формируется усилиями представителей различных областей: философов, психологов, логиков, математиков и т.д.

С точки зрения Т. Куна, как замечает В.П. Кохановский, развитие научного знания подобно развитию однонаправленного и необратимого процесса, протекающего в биологическом мире. Для этого процесса характерны смены этапов «нормальной науки» и «научных революций». Основной единицей развития научного знания, согласно И. Лакатосу, является «научно-исследовательская программа», под которой им понимается серия сменяющих друг друга теорий, объединенных определенными фундаментальными идеями и методологическими принципами. Большое методологическое значение, на наш взгляд, имеет вычленение В.П. Кохановским идеи И. Лакатоса о том, что некоторые величайшие научно-исследовательские программы «прогрессировали на противоречивой основе», в частности, программа Н. Бора, выразившем диалектические противоречия микрообъектов в принципе дополнительности. В.П. Кохановский замечает: «Можно без преувеличения сказать, что идея о выявлении и «снятии» (т.е. разрешении, а не устранении) возникающих в теории противоречий свидетельствует о сильной «диалектической струе» в концепции Лакатоса о природе научного метода и о развитии научного знания» [17, с. 251].

В проведенном В.П. Кохановским анализе концепции роста знания К. Поппера установлено, что важным аспектом исследования науки для К. Поппера является формируемая им концепция роста научного знания, которая в некоторой степени противоречит распространенному в то время идеалу науки как систематизированной дедуктивной системы. В.П. Кохановский отмечает: «Для Поппера рост знания не является повторяющимся или кумулятивным процессом, он есть процесс устранения ошибок, «дарвиновский отбор». Говоря о росте знания, он имеет в виду не простое накопление наблюдений, а повторяющиеся ниспровержения научных теорий и их замену лучшими и более удовлетворительными теориями» [там же, с. 246].

Таким образом, рост научного знания заключается в следующем: по поводу возникающих в науке проблем выдвигаются альтернативные смелые гипотезы (предположения), на следующем этапе осуществляется попытка их фальсификации (опровержения), не выдержавшие проверку гипотезы отбрасываются, выдержавшие проверку – принимаются учеными в качестве решения

проблем, но остаются открытыми для критики в последующем. Останавливается В.П. Кохановский и на сформулированных К. Поппером трех требованиях к росту знания, фиксирует и его модель роста научного знания.

Развивая предложенные В.П. Кохановским подходы к проблеме роста научного знания, остановимся на некоторых моментах, которые продемонстрируют эволюцию идей К. Поппера по исследуемой проблеме. В частности, нужно уточнить, что для К. Поппера все знание является гипотетичным и поэтому понятия «гипотеза» и «теория» в контексте его работ синонимичны. Кроме того, К. Поппер исходит из установки, что обыденное знание эволюционирует к научному, но исследование роста знания необходимо начинать с наиболее зрелой его формы, которой является научное знание. Предложенная К. Поппером ранее модель научного знания не учитывала разнообразие пробных решений и поэтому он дополняет ее.

«Наша схема, – утверждает К. Поппер, – учитывает возможность развития регуляторов по устранению ошибок (органов предупреждения, таких, как глаза, механизмов с обратной связью), то есть регуляторов, позволяющих устранять ошибки без вымирания организмов – и это делает возможным, чтобы в конце концов вместо нас отмирали наши гипотезы» [22, с. 237].

В дальнейшем в статьях «Эволюционная эпистемология» (1984) и «К эволюционной теории познания» (1990) К. Поппером представлено развитие его концепции. Он утверждает, что эволюция научного знания «представляет собой в основном эволюцию в направлении построения все лучших и лучших теорий. Это – дарвиновский процесс. Теории становятся лучше приспособленными благодаря естественному отбору. Они дают нам все лучшую и лучшую информацию о действительности» [21, с. 57]. Решаемые нами практические проблемы порождают теоретические, для решения которых строятся теории, являющиеся в науке «высококонкурентными».

«Однако даже лучшие теории – всегда наше собственное изобретение. Они полны ошибок. Проверая наши теории, мы поступаем так: мы пытаемся найти ошибки, которые скрыты в наших теориях. Иначе говоря, мы пытаемся найти слабые места наших теорий, точки их слома. В этом состоит критический метод» [там же]. Предпосылкой критического мышления в эволюции человека была дескриптивная функция человеческого языка, развитие которой приводит к появлению аргументативной функции.

Статья «К эволюционной теории познания» подвела итог теоретическим исканиям К. Поппера. В ней К. Поппер заявил, что все приспособления, все адаптации к регулярностям как внешнего, так и внутреннего характера – есть некоторые виды знания. «Таким образом, можно сказать, что происхождение и эволюция знания совпадают с происхождением и эволюцией нашей планеты Земля. Эволюционная теория связывает знание – а с ним и нас самих – с космосом; таким образом проблема знания становится проблемой космологии» [17, с. 254].

В заключение еще раз подчеркнем сделанное В.П. Кохановским, с которым полностью солидарна, замечание о том, что все существующие подходы к развитию познания, претендующие на всесторонность и полноту, «выходят за пределы классических философских традиций. Реально этот подход может быть только междисциплинарным, так как он базируется на результатах, полученных в самых различных науках [17, с. 254].

В.Б. Устьянцев. Философия открывает разные горизонты мироздания. Если научная картина мира рождается усилиями дисциплинарно организованных научных сообществ и научных школ, то концептуальный образ мира – это итог размышлений и философских обобщений одного ученого, его «визитная карточка» в научное сообщество, его знания и убеждения, образующие неповторимую вселенную мысли. В.П. Кохановский создал свой концептуальный мир, наполнил его сокровенными смыслами, идеями, убеждениями, новыми знаниями, получившими признание философской общественности России.

За многие годы дружбы с Валерием Павловичем Кохановским у меня образовалась целая библиотечка его авторских и коллективных монографий, сборников научных статей, учебников для высших учебных заведений и учебных пособий для аспирантов, выполненных под его научным руководством. Поразительно многообразие его философских интересов – от диалектической логики, диалектики как общей теории развития до методологии социального познания, герменевтики и общетеоретических проблем синергетики. Причем, самые разнообразные по содержанию и жанру философские тексты, вышедшие из под его пера, объединены общим философским замыслом и стали своеобразными вехами его творческого пути в философии. Концептуальные основания рационально выверенного мышления В.П. Кохановского нераздельно связаны с диалектическим методом. «Современный мир – это сложная диалектическая целостная система, адекватное постижение которой невозможно без диалектико-материалистического метода» [13, с. 3]. Диалектический метод – это философское кредо известного ростовского ученого, основа его философских убеждений, от которых он не отходил в научном поиске и в жизни.

Как известно, общефилософские методы раскрываются прежде всего через принципы. В философском наследии Кохановского авторская концептуализация диалектики начинается с принципа историзма. В работе над этим принципом он уходит от прямолинейных оценок и суждений, охватывает широкую философскую традицию, обсуждает становление идеи развития в классической рациональности Г. Лейбница, И. Канта, Г.-Ф. Гегеля, в страстных публицистических высказываниях русских революционных демократов, в воззрениях на научные революции классиков философии науки. Философская эрудиция В.П. Кохановского раскрывается в широкой осведомленности о работах отечественных философов, изучающих принципы и категории диалектики.

Широкую известность у философской общественности страны приобрела его авторская монография «Историзм как принцип диалектической логики» (1978). Отходя от традиционного в марксистской диалектике обоснования теории развития с позиций принципа единства теории и практики, «сформулированного применительно к исходному пункту исследования» [14, с. 14], Кохановский связывает проблему «начала» в диалектике с принципом историзма. Историзм находит свое предельно общее выражение в проблеме начала – «это исходный пункт всего исторического рассмотрения, где формируется предварительное представление о предмете» [1, с. 141]. Философ обосновывает временные структуры историзма, где целостный образ настоящего сочетается со «следами» прошлого и содержит в себе зачатки будущего. Плодотворным в научном плане представляется идея связи историзма со становлением, с диалектическим отрицанием, где каждая предшествующая фаза развития преодолевается в последующей фазе, охваченной движением к будущему. Уходя от схематизма, философ подчеркивает связь историзма как принципа диалектической логики с генетическим подходом, сравнительно-историческим методом, методом актуализма.

Обоснование принципа историзма с позиций философской теории времени появляется на перепутье авторских рассуждений над историко-философскими проблемами, сформулированными еще в кандидатской диссертации (Категория возникновения. 1968) и изучения работ по философским проблемам времени в конце 60 – первой половине 80-х гг. прошлого столетия. В этот период в философском пространстве появились фундаментальные исследования, где категории диалектики (прежде всего, категория становления) превращались в научные и мировоззренческие ориентиры для раскрытия проблемы времени. Саратовский философ Я.Ф. Аскин обосновал роль категории становления в структурировании модусов времени, выяснил специфику детерминации природных и социальных процессов модусами прошлого, настоящего и будущего [15]. Я.Ф. Аскин и В.П. Кохановский шли своим путем в осмыслении темпоральной логики диалектического мышления, по-своему обосновали роль времени как онтологического начала развивающихся систем.

От историзма как исходного принципа диалектики В.П. Кохановский переходит к осмыслению связи диалектического метода с дисциплинарными методологиями, выстраивает проблемное поле социальной диалектики. В условиях устойчивости социальной системы развивающейся по стратегиям плановой экономики, социальное развитие социалистического социума рассматривалось в социальной метафизике как экстраполяция законов диалектики. Социальное противоречие, социальное качество, социальное отрицание довольно часто мыслились как выражение универсальных законов диалектики и представляли частным выражением единства диалектики, логики и теории познания. В.П. Кохановский, привлекая диалектический метод «выведения» к осмыслению социальной реальности, отмечает слабые стороны фрагментарного анализа социальной диалектики, необоснованные попытки сведения метода диалектики «к отдельному приему», когда игнорирование широких возможностей идей диалектики при разработке диалектического метода, искажает понимание марксистской философии, «тормозит исследование той социальной реальности, в которой мы живем, ориентируя хотя и на верные, но весьма общие положения из теории диалектики» [10, с. 49]. По сути дела, философ выступает против широко распространенной в годы перестройки установки фрагментарного анализа категорий социальной диалектики посредством применения «отдельных приемов». За процедурами выяснения самодостаточности общественного противоречия, социального отрицания, социального качества наблюдалась утрата целостного взгляда на развитие общества. На практике общественные реформы носили точечную направленность, не затрагивая нарастающую деформацию всей социальной системы. Фундаментальное понимание общества как целого, по мнению В.П. Кохановского, открывает возможность вывести идею развития именно из сущности целого как закона, «из которого должно быть выведено все то, что принадлежит этому целому, но не обладает собственными потенциями саморазвития» [10, с. 53]. Сегодня, в условиях нарастания неуправляемых экономических, социальных рисков, обострившихся противоречий, особенно актуальна методологическая установка осмыслить и преодолеть масштабные социальные

деформации с учетом общенациональных интересов, избегая давления корпоративной политики меньшинства, за которой стоят интересы бизнес-элит, отдельных правительственных чиновников и ангажированных экспертов.

Весьма характерной особенностью концептуализации социальной реальности, категориальных рядов диалектики в творчестве Кохановского предстает фундаментальная историко-философская проработанность обсуждаемых проблем. Интересующая мыслителя философская тематика органически выводится из историко-философских концептов. Так, эвристическое осмысление этапов становления диалектического метода в наследии классиков марксизма органически дополняется самостоятельными суждениями философа о диалектическом содержании категориальных рядов в философии античности, Нового и новейшего времени. Значительный интерес для него представляли работы по принципам диалектики в философском наследии Гегеля. Понимание истоков диалектики, по мнению Кохановского, связано с осмыслением проблемы начала. В работах Гегеля он особо выделяет две идеи – идею темпоральности начала, когда речь идет о начале и, соответственно, о конце только применительно к конечным предметам, над которыми властвует время, и о системной природе начала, когда «всякое новое явление, по Гегелю, начинается только тогда, когда оно появляется как целое, как органическая система всех своих предпосылок». Размышляя над проблемой начала, Кохановский переводит гегелевские идеи в плоскость собственного авторского анализа, выдвигая оригинальную концепцию о темпоральной природе историзма.

Авторский подход к философским системам эпохи Просвещения превращается в заочный диалог с традиционными точками зрения на философию и других просветителей в современной западно-европейской философии. Можно остановиться на различии оценок философского наследия Готфольда Лейбница. По мнению Бертрана Рассела, «Лейбниц, основывая свою философию, опирался на две логические предпосылки: закон противоречия и закон достаточного основания» [16, с. 702]. В таком контексте основания метафизики Лейбница сводятся к аналитическим суждениям, выражающим развитие в духе аристотелевской логики. В.П. Кохановский создает иной образ философа, подходит к идеям немецкого просветителя с других позиций, усматривая за аналитическими суждениями и теологическими взглядами Лейбница особый философский горизонт, где просматривается единство формальной логики и диалектического метода.

Концепции и парадигмы в философии живут духом созидания нормальной науки до тех пор, пока продолжают развиваться идеи лидеров научных школ. Светлый образ доктора философских наук, профессора В.П. Кохановского – лидера, человека мощного интеллекта, создавшего свою философскую вселенную, сохранится в памяти философского сообщества, а его творческое наследие будет жить и развиваться в работах соратников и многочисленных учеников.

Г.Ф. Гараева. Диалектика в творчестве В.П. Кохановского занимала центральное место. Это не было случайностью, так как выбор метода исследования – это и бремя и величайшая возможность для мыслящего человека. Можно даже сказать, что у В.П. Кохановского было «глубочайшее диалектическое чутье». Диалектика увлекла его во всех возможных гранях ее изучения: от истории до сложнейших теоретических вопросов. В.П. Кохановский остался верен диалектике и в те трудные годы идейных перемен, когда диалектику пытались предать забвению [18]. Более того, открывшиеся в ходе перестройки новые возможности доступа к текстам, ранее не опубликованным или же напечатанным малыми тиражами, были интересны В.П. Кохановскому в первую очередь с точки зрения анализа методологии. Так, диалектика выдающегося русского религиозного мыслителя В.С.Соловьева нашла отражение в специальном исследовании, целью которого стало выявление ее рационального содержания и актуального смысла [19]. Для В.П. Кохановского было важно рассмотреть «практически не освоенные диалектические идеи выдающегося русского философа и уделить больше внимания позитивным моментам» [там же, с. 5]. Это знаменательный момент для ученого, посвятившего себя развитию диалектико-материалистического метода [13].

Философское творчество В.С. Соловьева содержит в себе мощный обновленческий потенциал, так как оно направлено на преодоление отвлеченного характера философской мысли, на восприятие человеческого опыта в его целостности и единстве. Но без истинного философского метода решение такой задачи невозможно. Вообще, тема истинного философского метода – лакмус для всякого серьезного философского творчества. В своем исследовании В.П. Кохановский солидарен с мнением В.С. Соловьева о том, что истинный философский метод предполагает синтез, «соединение логического и эмпирического элементов». Но эмпирический материал богат и разнообразен, а потому возникает проблема выделения в этом разнообразии того, что есть логического в этих элементах. В.П. Кохановскому созвучны идеи В.С. Соловьева о развенчании мифа о том, что философия – это высшая форма духовной деятельности, а философское сознание – самоцель. Как диалектик, В.П.Кохановский высоко ценит позицию В.С. Соловьева в отношении

синтеза теологии, философии и опытной науки. Ведь каждый из этих элементов теософии, подчеркивает В.С. Соловьев, доведенный до истинной своей полноты, получает синтетический характер и становится цельным знанием. В свое время В.П. Кохановский подчеркивал: «При этом, как показывает история познания, чем всеобщее знание более фундаментально, тем большей эвристической силой обладает как оно само, так и все другие опирающиеся на него, как на свою основу, формы знания, регулирующие познавательный процесс» [13]. Таким образом, философское знание, опираясь на всеобщие принципы, не должно быть изолировано ни от других систем знания, ни от конкретной действительности. Как тут не вспомнить о высказывании В.П. Кохановского: «Метод любого уровня общности имеет не только чисто теоретический, но и практический характер: он возникает из реального жизненного процесса и снова уходит в него» [13, с. 11].

Диалектика В.С. Соловьева представляла собой системное построение, в основу которого был положен общий закон развития. При этом В.С. Соловьев целенаправленно стремился сохранить преемственность с идеей (общим законом) развития Гегеля. Он подчеркивал: «За Гегелем должна быть признана огромная заслуга решительного установления в науке и общем сознании истинных и плодотворных понятий *процесса, развития* и истории как последовательного осуществления идеального содержания. В действительности все находится в процессе: не существует никаких безусловных границ между различными сферами бытия, нет ничего отдельного, не связанного со всем» [20, с. 438]. Принимая в целом диалектику Гегеля, тем не менее, В.С. Соловьев как диалектик пошел дальше. И это не мог не отметить В.П. Кохановский в своей работе «Диалектика Владимира Соловьева». Он подчеркивал непроходимую пропасть между соловьевской философией и гегельянством. Ведь для В. Соловьева всякая вещь не только понятие, но прежде всего живая субстанция. Но в тоже время В.П. Кохановский подчеркивает, что разработка диалектики Марксом и Энгельсом, к сожалению, не была замечена выдающимся русским философом. Впрочем, это вполне объяснимо, так как В.С. Соловьева интересовало прежде всего творчество первого систематизатора диалектики – Гегеля. Развивая тему общего закона развития, В.С. Соловьев делает акцент на единстве социальных и духовных органических начал. Он подчеркивает, что наиболее полную характеристику данного закона можно получить, только исследуя «всемирный организм». Но при этом он оговаривает, что такой организм нельзя сводить к механической совокупности атомов, ибо подлинное единство обусловлено имманентной необходимостью, диалектической взаимосвязью входящих в организм элементов. Конечно, диалектика В.С. Соловьева носит религиозный характер, не теряя при этом своего диалектического ядра. Философ убежден, что только Божественный мир должен дать человеческому развитию его безусловное содержание. Этого не сможет сделать внешний мир и сам человек.

Вообще же тема человека, его практически-преобразовательной деятельности в соответствие с законом развития была близка В.С. Соловьеву. Он не был «чистым теоретиком», далеким от конкретной жизни людей. Напротив, В.С. Соловьева интересовала деятельность людей в ее разнообразных проявлениях, в том числе в природной среде, в области духа, в социуме. В.П. Кохановский обращает внимание, что в философии В.С. Соловьева деятельность человека характеризуется с точки зрения разных оснований. Но в целом структура практической деятельности включает три необходимых элемента: экономическая деятельность, политическая и духовная. Они находятся в органической взаимосвязи. При этом В.С. Соловьев подчеркивает, что в основе экономической деятельности лежит труд, который позволяет преобразовывать окружающий человека мир в соответствии с его потребностями. В основе политической преобразовательной деятельности лежит отношение людей друг к другу, их взаимодействие в качестве членов «одного собирательного целого». Духовная деятельность способна обеспечить истинное духовное благо в качестве высшей цели абсолютного существования. В.П. Кохановский, анализируя диалектические подходы В.С. Соловьева к практической деятельности людей, отмечает его последовательность, диалектичность, умение выделять главные моменты во всем многообразии деятельности человека. Все эти моменты можно отнести и к диалектическим взглядам В.П. Кохановского, который писал: «Таким образом, связь диалектики (как теории и метода) и общественной практики двусторонни: прямые (от практики к всеобщим принципам и формам мышления) и обратные – реализация всеобщих схем не только в познании, но и в реальной жизни, в практике, во всех ее формах и видах. Важнейшая задача состоит в том, чтобы всемерно укреплять и углублять взаимодействие между диалектикой и практикой, обстоятельно изучать механизмы этого взаимодействия» [13, с. 208]. Завершая краткий обзор некоторых тем работы В.П. Кохановского «Диалектика Владимира Соловьева», хотелось бы отметить, что она интересна не только заявленной темой, но и той высокой оценкой, которую дает диалектик-материалист В.П. Кохановский диалектику-идеалисту В.С. Соловьеву. И в итоге торжествует сила диалектического метода.

П.В. Павлов. Специфика социально-гуманитарного познания и его методологии плодотворно обсуждалась в работах *Валерия Павловича Кохановского*. И здесь принципиально то, что проблемы социального познания обсуждались им на *основе диалектического метода*, разработка которого всегда находилась в центре исследовательских интересов ученого. В.П. Кохановский принадлежал к серьезной диалектико-логической традиции в отечественной философии второй половины XX в. и внес существенный вклад в ее развитие и пропаганду среди молодежи и своих учеников. Особое место в его творческом наследии занимают работы, посвященные мыслителям, оказавшим значительное влияние на развитие методологии социально-гуманитарного познания. В монографиях В.П.Кохановского представлен тщательный анализ методологических идей Г. Риккерта, «понимающей социологии» М. Вебера, герменевтики Г.Г. Гадамера. Ученый стремился выявить *диалектические идеи* в концепциях мыслителей, особенно подчеркивая, например, идею Гадамера объединить герменевтику и рационалистическую диалектику (Платона и Гегеля) или влияние идей К.Маркса на творчество М. Вебера [3; 5; 12]. Следуя диалектической традиции, в русле которой работал В.П.Кохановский, попытаемся в сжатом виде обсудить некоторые актуальные вопросы методологии современного социального познания.

Проблема социального познания, его специфики, методов, теоретических подходов является одной из актуальных и сложнейших в современной научно-теоретической рефлексии. И это не случайно, поскольку относительно (естествознания) молодой возраст социальных наук и одновременно их пестрое многообразие провоцирует ряд нерешенных трудностей, связанных со спецификой этих наук, их собственной методологией и проблемами концептуального единства. Эти трудности отнюдь не носят праздного и отвлеченно-умозрительного характера, поскольку они непосредственно связаны с основной проблемой социального познания – *проблемой адекватного, целостного понимания и объяснения изменяющейся общественной действительности*. Несмотря на постмодернистские декларации о невозможности объективного социального знания (по сути губительные для теоретического мышления), задача действительного постижения социально-исторической реальности в ее целостности остается все-таки центральной для социальных наук.

В настоящее время существует множество различных методологических подходов к проблемам социального знания. Так, современная социологическая мысль представлена множеством конкурирующих социальных теорий, которые сложились еще в XX в. *Структурному функционализму*, нацеленному в основном на стабильность и упорядоченность общественной системы (Т. Парсонс, Р. Мертон) противостоит *конфликтология* с ее акцентом на социальные изменения (Р. Дарендорф). Такие «микросоциологические» теории, как *символический интеракционизм*, *феноменологическая социология* А. Шюца, *этнометодология* Г. Гарфинкеля сосредоточены на конкретных взаимодействиях между субъектами, на «мире повседневности» и т.п. *Неомарксизм*, представленный, в частности, критической теорией общества Франкфуртской школы (Т. Адорно, М. Хоркхаймер, Г. Маркузе и ее нынешний лидер – Ю. Хабермас) нацелен на анализ и критику «негативных» тенденций современного капиталистического общества.

Вместе с тем наличие множества концептуально-методологических подходов в современном социальном знании, как нам представляется, отнюдь не отменяет поиск *общего поля для конструктивного взаимодействия (и понимания)* различных социальных теорий, поскольку такое взаимодействие позволяет приблизиться к целостному (и адекватному) постижению сложной, развивающейся социальной реальности. Наблюдается весьма продуктивная тенденция поиска *интегральной* теории и методологии исследования изменяющейся общественной действительности. К попыткам построения таких интегральных теорий принято относить социологическую теорию П. Бурдьё, теорию «структуризации» Э. Гидденса, *социологию социальных изменений* П. Штомпки, «*деятельностную*» теорию А. Турва и др., где речь идет о попытке «диалектического» объединения макро- и микроуровней социологического анализа, *структуры* и социального изменения, рационального объяснения и герменевтического (феноменологического) понимания и описания общественной реальности.

Вместе с тем ряд «эвристических» идей, связанных с поиском целостной («интегральной») методологии исследования социально-исторической действительности можно обнаружить у К. Маркса и М. Вебера (при всем существенном различии этих мыслителей). *Конкретно-историческая методология* Маркса успешно преодолела односторонние крайности *генерализации* и *индивидуализации*, понимания и объяснения, органично объединив историю и логику. В определенной степени к конкретно-исторической методологии был близок и Вебер (особенно в своих исследованиях истории капитализма, города, религии). И неудивительно, что социолог Вебер уделяет особое внимание историческому познанию, логике и методологии истории, считая, что ее понятия («идеальные типы») гораздо ближе к конкретной общественной действительности, чем схемы социологические. Сама история оказывается вовсе не описательной наукой, ей присущи

конкретные обобщения. История – это не просто бессистемное описание событий, но, прежде всего, историческое исследование, «логика истории».

У Маркса (и отчасти у Вебера) речь идет именно о содержательном *единстве теории и истории*, о выявлении логики исторического процесса. Историчность (положение о конкретной историчности социальных форм) становится у Маркса фундаментальным принципом, имеющим важнейшее теоретико-методологическое и практически-действенное значение – никакая форма общества не является извечно данной, неизблемой, поскольку каждая из этих форм оказывается 28-историческим творчеством людей на *основе их конкретно-исторического отношения к объективной действительности*. Это особенно насущно сегодня, когда некоторые теоретики открыто объявляют о «конце истории».

Всякая общественная форма – это историческое образование с присущей ему *имманентной логикой*, порожденной конкретно-историческим способом человеческой деятельности, то есть конкретной формой *отношения человека к объективному миру*. Соответственно этому теоретический анализ любой социальности должен быть всякий раз конкретным исследованием специфической, особенной социальной формы. Речь не идет об абстрактно-универсальной схеме, а именно о специфической методологии, порожденной *самим предметом*. На этом, между прочим, всегда настаивал Маркс вопреки своим вульгарным интерпретаторам, которым, по его собственным словам, «непременно нужно превратить мой исторический очерк возникновения капитализма в Западной Европе в историко-философскую теорию о всеобщем пути, по которому роковым образом обречены идти все народы».

В.И. Пржигинский: Подводя итог сегодняшнего обсуждения, хотелось бы отметить, что практически во всех выступлениях присутствовала одна очень важная идея. Я бы назвал ее идеей модернизации парадигмы социально-исторического познания, актуальность которой как никогда очевидна в контексте обращения к творческому наследию В.П. Кохановского. Хотелось бы надеяться на то, что данное мероприятие придаст новый импульс исследованиям в этой области и позволит по-новому взглянуть на проблемы, поставленные задолго до нынешнего дня, но не теряющие своей значимости и сегодня.

Литература

1. Кохановский В.П. Историзм как принцип диалектической логики. Ростов н/Д, 1978.
2. Кохановский В.П. Диалектика против софистики и эклектики. Ростов н/Д, 1978.
3. Кохановский В.П. Герменевтика и диалектика. Ростов н/Д, 2002.
4. Кохановский В.П. Родоначальник позитивизма и основоположник социологии / Конт О. Дух позитивной философии (Слово о положительном мышлении). Ростов н/Д, 2003.
5. Кохановский В.П., Шевченко П.А. Социально-гуманитарная методология Макса Вебера. Ростов н/Д, 2002.
6. Кохановский В.П., Золотухина Е.В., Лешкевич Т.Г., Фатхи Т.Б. Философия для аспирантов: учебное пособие. Ростов н/Д, 2002.
7. Декарт Р. Сочинения: В 2 т. М., 1989-1991. Т. 1.
8. Леонтьева Е.Ю. Рациональность и ее типы: генезис и эволюция. Учебное пособие. М., 2006.
9. Ситуационные исследования. Выпуск 1: ситуационный подход. По материалам всероссийского семинара / Под общей ред. Проф. Солодухо Н.М. Казань, 2005.
10. Ватин И.В., Кохановский В.П. Диалектический метод и социальная реальность. Ростов н/Д, 1990.
11. Кохановский В.П. Философия и методология науки. Ростов н/Д, 1999.
12. Кохановский В.П. Философские проблемы социально-гуманитарных наук. Ростов н/Д, 2005.
13. Кохановский В.П. Диалектико-материалистический метод. Ростов н/Д, 1992.
14. Материалистическая диалектика: В 5 т. Т. 1. Объективная диалектика. М., 1981.
15. Аскин Я.Ф. Проблема времени. Ее философское истолкование. М., 1966;
Аскин Я.Ф. Философский детерминизм и научное познание. М., 1977.
16. Рассел Бертран. История западной философии и ее связи с политическими и социальными условиями от античности до наших дней. Новосибирск, 2003.
17. Кохановский В.П., Лешкевич Т.Г., Матяш Т.П., Фатхи Т.Б. Основы философии науки. Учебное пособие для аспирантов. Ростов н/Д, 2005.
18. Кохановский В.П. Нужна ли диалектика современной науке? // Научная мысль Кавказа. 1998. № 2.

19. *Кохановский В.П.* Диалектика Владимира Соловьева: рациональное содержание и актуальный смысл. Ростов н/Д, 1995.
20. *Соловьев В.С.* Сочинения: В 2 т. М., 1988. Т. 2.
21. *Поппер К.Р.* Эволюционная эпистемология // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики. М., 2000.
22. *Поппер К.Р.* Объективное знание. Эволюционный подход. М., 2002.